

Извас Фрай

Книга Белого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Извас Фрай

Книга Белого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34619090

SelfPub; 2018

Аннотация

Семь историй, никак не связанных между собой. У каждого из них – своя цель. Каждый из них – живёт своей жизнью. Единственное, что делает их похожими – это идея, заложенная в основу построения сюжета и образов героев. Это – идея цвета. То, что затрагивает все формы искусства во всём своём разнообразии. Изучение цвета – то же самое, что и изучение любви, жизни и смерти. В каком-то смысле, эта книга о том, как существует цвет. Содержит нецензурную брань.

Инструкция пользователя:

1)

Рекомендуется: только для сумасшедших.

2)

Настроение: меланхоличное; подавленное, но стремящееся избавиться от давления; ни в коем случае: стремящееся сохранить картину своего мира.

3)

Употреблять с: молоком; кофе (эспрессо или по-турецки), чаем без сахара; красным/белым вином не восточнее Крыма и не моложе 1 (одного) года; пивом не восточнее Польши; сигаретами или сигарами (по желанию); ни в коем случае: мороженым, молочным коктейлем.

4)

Состав: любовь; смерть; бумага; чернила; вечность.

5)

Способ употребления и дозы: не больше 40 (сорока) страниц в день в любых местах и погодных условиях.

6)

Передозировка: на данный момент не зафиксировано ни одной удачной попытки суицида после прочтения; возможны головные боли или наоборот; воздействия препарата индивидуальны для каждого.

7)

Изготовитель убеждён: вам не обязательно умирать после

прочтения.

8)

Авторские права: Извас Фрай.

9)

Срок Годности: от даты изготовления до гибели последней любви.

10)

Дата изготовления: сейчас.

Белый – ахроматический цвет, состоящий из основных цветов хроматической цветовой гаммы: красного, оранжевого, жёлтого, зелёного, голубого, синего и фиолетового. Вызывает у зрителя визуальную иллюзию расширения пространства. Цвет благородства в его европейском понимании; и боли, траура в традициях Японии. Цвет вечности, наравне с чёрным. Является антагонистом цвета ночи. Понять и ощутить белый цвет можно с помощью геистальта или единения составляющих его цветов. Ощутив каждый в отдельности и воссоздав единый пейзаж – это и будет целостный образ белого. Белый цвет – не является ни добром, ни злом. Он – белый. Как это? У вас есть возможность приблизиться к пониманию.

Этой ночью – будет рассказано семь и одна история. Семь книг – как семь цветов, в сумме дающие белый. Ещё одна раздроблённая на семь кусков история – как геистальт всех мифов.

Много лет я зрел и пытался найти единую историю. Теперь, кончив свою книгу, я могу сказать: вся наша жизнь, все мифы и истории, рассказанные всеми писателями, народами и духами – всё один – мономиф.

Книга Красного

Повесть

Все действия происходят в параллельном мире. Оба королевства, упоминаемые в повести, находятся где-то между Францией, Германией и Бельгией, но не имеют аналогов в нашем мире, поскольку сам автор приходит в ужас от одной только мысли о точном местоположении этих безымянных, но действительно существующих стран. Все события, описываемые в повести, действительно происходили, но свидетельства о них из учебников истории вы можете найти, лишь прыгая с эпохи в эпоху, с континента на континент и толком не понять, что, собственно, произошло. Эту повесть лучше воспринимать как поучительную сказку в форме хронологии. Автор не сочувствует и не винит ни в чём главного героя произведения. Он воспринимает всё описываемое как должное, как историю. И настоятельно рекомендует читателю не винить и не оправдывать деяний Красного человека. Но попытаться понять.

Мой разум чувствует, что мне, при виде крови,

*Весь мир откроется и всё в нём будет внове,
Смеются маки мне, пронзённые лучом...
Ты слышишь, предок мой? Я буду палачом!
– Константин Бальмонт*

Вечер. Последняя песчинка в часах упала на дно. Теперь, время на нашей стороне, господа! В воздухе заиграл тот самый блюз, о котором невозможно говорить, ни разу его не услышав, как невозможно говорить о голоде с тем, кто никогда не выходил из дворца, полном изобилия. И с этих слов, эхом отозвавшихся в эфире, я разрезаю шпагой последний покров ночи. А за ним – я вижу улыбку вампира, готового вдоволь насладиться вашей кровью...

Запахи молодой страсти и дешёвого алкоголя были настолько густыми и терпкими, что их можно было соскребать ножом с воздуха и намазывать на хлеб. Мужчины здесь были, в основном, одиноки – они прикрывали свои лица шляпами, как женщины скрываются за вуалями, чтобы никто не мог разглядеть их лиц. Свои подбородки они показывали только когда делали добрый глоток виски; а затем снова опускали головы вниз, будто хотели своим взглядом просверлить дыру в преисподнюю.

Были и те, кто прижимались друг к другу, потому что стоило им только разделиться, как они переставали отбрасывать на землю тень. Они сидели по самым тёмным углам и старались даже не всматриваться в то, что происходило вовне.

Их практически не было видно и единственным доказательством их существования были облака сигарного дыма, за которыми невозможно было разглядеть крыши, остальному дому служившей полом.

Вся собравшаяся здесь компания одиноких теней – и в повседневности немногим отличалась от данного своего облика. Все они были клерками – бюрократическими принеси-подай, перепиши – собравшимися здесь после тяжелого дня. Там – они сидели на одном месте, переписывая бессмысленные тексты, стараясь не замазать бумагу кляксой; либо бегали, сломя голову, а затем падали, как подстреленные. Лишь на несколько минут в день, когда они валились с ног, им позволяли отойти, чтобы выпить чашку дешёвого кофе и выкурить одну-две папироски.

«Это не работа, а повседневная каторга» – только и говорили они, превращая свои жалобы в культ.

Но сегодня, вокруг меня собрались совсем другие люди. Я различаю их лица сквозь облака дыма и не узнаю их. И я вижу, что стало причиной их метаморфозы. Пока они сидят на работе, они надевают маску, за которой они хотят защитить то последнее, что ещё осталось у них от людей. Они не снимают её и когда рабочие часы подходят к концу. Даже за пределами канцелярии – они постоянно находятся в опасности. Они бояться друг друга. И на улице больше напоминают манекенов. Но теперь, я, наконец, могу разглядеть их лица – их глаза полны огня, который они так давно держали вза-

перти.

Их семьи спрашивают: «Куда ты деваешь после службы». Ведь домой они возвращаются только под самую ночь. «Куда пропало половина твоей жизни?». Им нечего ответить, кроме как: «Выпивал с друзьями», хоть настоящие друзья есть только у самых счастливых из них. Они придут в бар в одиночестве и с застывшим выражением отчаяния на лице. Они будут пить, курить, слушать музыку. Времена нашей общей эйфории прошли. Настало время глубоких депрессий – и не одного отдельного человека – а всего общества и культуры в целом. Может быть, те, кто родились в эти трудные времена – смогут всё изменить. Но сколько времени пройдет – удастся ли обождать кризис? Ведь мало кто из них подозревает, сколько несчастий уже стоит на пороге...

Но сейчас – ничто не заботит их умы. Только виски и хорошая музыка – и ничего лишнего. Не роботы, не рабы печатных машин, а обиженные судьбой мужчины, вернее, даже не удостоившиеся её внимания. Но не желающие просто мириться с ней – сейчас – ни за что. Этим вечером – они настоящие мужчины и не важно, кем они будут завтра утром.

Когда они придут домой, они не скажут своим жёнам ни слова. Они снимут шляпу и просто упадут в кровать. А завтра – начнётся всё сначала. И это не сон. Им никогда не снятся сны.

Сейчас – передо мной стоят не клерковский сброд. Сейчас – я вижу перед собой джентльменов – все, как степные

волки, брошенные стаей. Они идут ради самого движения. Они ищут ради самого поиска. Сейчас – они несчастны, но способны *чувствовать* грусть. И они хотели бы, что бы это мгновение длилось вечно. Сейчас – они самые счастливые люди, добывающие себе радость из собственных страданий.

На сцене: вокалист, трубач, пианист, контрабасист. У всех эlegantный вид, но кривые носы, синие подтёки под глазами и зубы не все на своих местах. Хороши в драке – неудачники по жизни – боги на сцене. Как можно играть настоящую музыку, не пережив настоящее страдание?! А они были мастера. Они родились, чтобы петь о своём горе без слов. И в резонансе их голосов эхом отразилась вся наша жизнь – весь многомиллионный народ, никогда не узнающий их настоящих имён.

В их дыхании была музыка, в их взгляде читалась тоска. И это тоже были счастливые люди, сколько бы они не вращались другим и самим себе. Истинное несчастье и горе лежит совсем в другом. Так часто в тех, кто обладает властью, и кто кажется самым счастливым и могущественным человеком на Земле – в них разочаровался мир, и каждая секунда их отдаётся вечною тоской.

Я люблю бары. Понятно, за что. Здесь играет музыка, здесь наливают самые различные варианты эликсира забвения, а самое главное – здесь не обязательно притворяться. Я тот, кто я есть – и никто иной. Любите или ненавидьте – мне

будет всё равно. После таких мест – ненадолго может показаться, что можно жить дальше и чувствовать себя легче. И всё, чего хочется сейчас, это выпить ещё виски, дослушать этот блюз и познакомиться вот с той одинокой красоткой – а всё остальное – отложить до завтрашнего дня...

Но сегодня, я пришел сюда не для того, что бы расслабиться и положить на свою пыльную маску на барную стойку – нет. Сегодня – у меня есть работа. Я должен служить своей стране и сегодня – я здесь ради неё.

Я подошел к молодому человеку в смокинге. Он единственный во всём баре производил впечатление порядочного человека. К таким людям никогда не подходят на улице, чтобы попросить сигаретки. Курильщик думает: «Ну, у этого уж точно не окажется папироски – посмотрите только на его лицо! Лучше не буду терять времени и спрошу табаку у того господина». А затем, эти «порядочные» люди заворачивают за угол и достают алжирские папиросы – самые крепкие, что есть в продаже; и начинают с затяжкой их курить. Давно мне знакома эта порода по-своему несчастных интеллигентов. Его лицо было высокомерно выбрито и сияло молодостью, силой, харизмой, состоятельностью и главное – ощущение неограниченности своей власти. Этот человек – был самым опасным и интересным из всех присутствующих. И я был уверен в своём выборе. Потому что если это окажется не тот человек – всё пропало.

– Артур? – прошептал я ему на ухо.

Он оценивающе взглянул на меня.

– Он самый.

– Сегодня, я здесь, чтобы станцевать танго с самой ночью на грудях звёзд, – знаю, звучит глупо, но это – та самая фраза, по которой милорд мог бы узнать своего верного слугу.

У его величества много врагов. После смерти его отца, якобы, из-за разрыва сердца прямо посреди самой охраняемой улице в столице, прибытие наследника престола из соседнего государства – стало задачей максимальной секретности и сложности. По всему городу было объявлено, что новый король пребудет только через неделю. Корабль с двойником принца должен прибыть завтра. Настоящий Артур Готтендаль – стоит сейчас передо мной и ему угрожает смертельная опасность везде за стенами Бардового Замка. Я – персона, от работы которой зависит не только судьба династии, но и будущее всей страны.

– Как ваше имя, танцор?

– Даниэль. Даниэль Найт, если хотите знать больше. Мой отец был музыкантом. Вы слышали о Теодоре Найте?

– В молодости отец водил меня на его концерты. Никогда в жизни так хорошо не выспался. Тоже рад, что познакомился с вами.

Мы говорили не слишком громко, но и не слишком тихо. Очень важен был тон беседы. Одно случайно брошенное слово и – кто знает – враги повсюду. В наше время – выживают только параноики.

– Закурить не будет? – спросил я.

Он показал мне початую пачку крепких папирос – из тех, которые курят ветераны войны – самые крепкие. Я так и знал.

– Пойдём. Я должен тебе кое-что показать.

И я дружески похлопал принца по плечу. Только за этот жест, в старые времена, я был бы достоин самой изощрённой казни. Но, надеюсь, принц осознавал всю серьёзность ситуации и не обратит на это внимания. Всё должно быть максимально реалистично.

Первая часть – «встреча» – самой ответственной миссии в моей жизни успешно завершена; пришло время второй части, которую лично я называю – «ноги в руки».

На улице стоял мой автомобиль – новомодное средство передвижения, сделавшее своего изобретателя за океаном самым богатым человеком на Земле.

Мы сели в него и как это только возможно – тихо двинулись в путь, чтобы и дальше казаться всего лишь простыми странниками по городу. Оставалось только молиться, что нам удалось выиграть немного времени. Теперь – всё зависело только от удачи. Но хороший агент – никогда не доверит ей все свои карты.

– Надеюсь, ваш револьвер при вас.

Он достал лучший пистолет нашего времени с титановым дулом и золотым гербом Готтендалей на барабане.

– Пусть только сунутся – мозги по стенке размажу.

Принц явно не лез за словом в карман. Может, это он просто ещё не вышел из образа городского хама. Эх, времена.

Времена на самом деле были тяжелыми. Страну разрывал на части могущественный клан Роттендалей – по легендам, основанный бастардом Эрика Готтендаля Архусом четыре-ста лет назад. У этой семейки было больше всего оснований для убийства старого короля – собственно, только у них хватило бы для этого не только смелости, но и силы. Но если бы внутренние враги были единственной нашей проблемой! Отношения с нашими набирающими военную мощь соседями становятся всё более напряжёнными. Их поддерживает сама Германская Империя; и если дело дойдёт до открытой войны – остаётся лишь молить бога о том, что бы кайзеру не было дела до разборок двух маленьких королевств в самой заднице старушки Европы. Повсюду – одни только враги. Королевство живо только благодаря непосильному труду таких верных людей как я. Времена рыцарства прошли – да и я из семьи простолюдинов. Но по одному лишь только зову короля – я готов пожертвовать собственной жизнью. Так и будет. Я заслужу уважение и доверие своему владыке. Многие люди спрашивают – в чём смысл жизни? Я нашел его в служении.

Опасность выглядывала из-под каждого угла, освещённого тусклым светом фонаря. Безлунная ночь – одна из тех, в которую выходят самые опасные убийцы. Любой из полуночников-сомнамбул, в своём одиночестве блуждающих по

городу – мог оказаться агентом Роттендалей.

Хоть об этом известно немногим – но ночью Бардовый Замок держат в осаде убийцы Роттендалей. Ничто и никто не может войти и выйти оттуда до самого рассвета без ведома псевдо-королевской охраны, разогнать которую у последних верных Его Величеству гвардейцев – просто не хватает сил. Зато верные полицейские третьего округа ночью контролируют портовый район. Что прибывает ночью – всегда остаётся вне досягаемости клана банкиров. Только благодаря верности этих ребят короне – у нас ещё есть шанс. До перестрелки гвардейцев и наёмников не должно дойти – это может вызвать самые катастрофические последствия для обеих сторон. Поэтому, оба лагеря должны действовать скрытно. Самое страшное: в этой войне – никогда не знаешь, кому можно доверять. Самое мелкое предательство в нужном месте – может оказаться решающим.

Мы остановились у моего дома. Дворец ночью – был вне нашей досягаемости.

– В моём доме нас ждёт друг – министр Жаль, – прошептал я принцу, – но, на всякий случай, никогда не забывайте о револьвере – я не всегда смогу вовремя помочь.

Он ничего не ответил. Лишь кивнул головой с такой манерой, что любые дополнительные слова – стали бы лишними. Он элегантно вышел из машины, ощущая собственную силу в каждом шаге. Я боялся за него – такие самонадеянные молодые люди слишком рано начинают думать о мощи сво-

его интеллекта. И гибнут, к сожалению, ненамного позже.

Дверь открылась и в глаза сразу ударил ослепительный свет. Министр Жаль сидел на диване в гостиной и смотрел на равномерные движения маятника часов, будто был самым Фуко. В руках, вместо обычного виски за состояние, он держал чашку чая. В такой ответственный момент – пить не позволительно было даже самому министру. Его неуклюжая голова повернулась к нам с улыбкой.

– Проходите – быстрее.

Мы так и поступили, закрыв за собой дверь, ограждая себя от ветра и ночи, в которых не читалось ничего, кроме немой враждебности.

– Ваше Величество, словами не описать, как я рад вас видеть.

Старый министр даже положил чай на стол и слегка приподнялся – таким он казался возбуждённым.

– Да, я тоже рад вас видеть, министр, хоть и вижу впервые.

– Извиняюсь за нескромность, Ваше Величество, но позвольте узнать, прошло ли ваше путешествие на родину без происшествий.

– Даже не укачало. Мы вне карнавальной будки, коею вы звёте дворец – так что, вы вполне можете говорить со мной как вам угодно. Спрошу прямо: чего вам надо?

– Ваше Величество... Меня и многих моих коллег очень волнует, что вы сделаете в первую очередь, когда корона окажется у вас?

– Я уже сделал – вернулся домой, вступить во владения страной.

Министр уставился на меня с непочтительно широко открытым ртом. Я совершенно искренне пожал плечами, поскольку то, что говорил принц – тоже ускользало от моего понимания.

– Простите?

– Месяц назад я был в Риме. Папа, из понимания щекотливости обстоятельств, согласился короновать меня на месте – в столице императоров – так что, считайте, что своё первое дело я уже сделал и готов приступить к следующему.

Министр был в настоящем шоке от услышанного. Он – бедный человек старых времён, которому стоило бы прислуживать Бурбонам во времена рассвета из династии, а не здесь, где всё из всех сил старается не отставать от времени. Короли выражаются кратко и как они сами того пожелают; и не требуют чего-то большего от своей свиты. Просветлённая монархия – в таких странах короли скорее сами отказываются от всех привилегий, потому что таковых вообще у них не остаётся.

Жаль, всё-таки, взял себя в руки, вспомнив, что говорит с королём, как бы вульгарно тот не выражался.

– Могу заверить Ваше Величество, что армия ревностно поддерживает корону. На днях, я говорил с генералом Гёлем. Можете не сомневаться – стоит вам только прошептать – и они схватят мерзких Роттендалей, со всей их бандой

убийц.

– Да, я и не сомневался. Расслабьтесь, министр. Поберегите силы на будущее. Надорвётесь ещё раньше времени, – с этими словами, новый король похлопал министра по плечу.

Хорошая новость: у нового короля есть чувство юмора, плохая – это чёрный юмор.

Ночь. Три человека, несколько не похожие друг на друга, сидели у камина и смотрели, как горят паленья, а затем – как медленно угасает пламя. Один из них старался понравиться королю и то и дело бросался шутками, случайно услышанными от лакеев в своём доме. Но шутить он не умел – не та людская порода. Он знал человека, который мог нести какую-то несусветную чушь и все, кто его слышал, заливались смехом. Даже если он пересказывал лучшие из слов своего знакомого комика – из его побледневших губ вылетала либо грустная история, либо до скуки официальная. Так продолжалось уже десять лет. Но Жаль никогда не прекращал борьбы в этом маленьком пространстве, действуя, скорее, из отчаяния, чем от желания смешить, как сумасшедший бьёт палкой дуб и страдает, что не может и не знает, как это дерево срубить. Ему оставалось лишь жалеть о потерянном времени.

Он курил только французские сигареты и всегда не больше одной затяжки с каждой. Одну за другой, Жаль стирал в пыль об пепельницу даже наполовину не выкуренные остат-

ки.

Артур старался смеяться, но больше издевался над бедным министром и его манерой курить (никто, включая министра, не знал причины его отвращения к повторению чего-либо дважды). Один я оставался совершенно безучастным. Я несколько раз ходил на кухню за кипятком и выпил не меньше двух литров чая, что после этой ночи – не мог даже смотреть на него. Всё время – я был настороже. Я не видел никаких опасностей вокруг, но чувствовал – что-то должно произойти. И этого «чего-то» я ни в коем случае не должен пропустить.

После четвёртого чайника, молодой король всячески начал показывать свою усталость. Из-за передоза кофеина – моё сознание было затемнено и я с большими трудностями воспринимал предметы вокруг – потому что я слишком хорошо ощущал их. Министр предложил нам лечь спать, поскольку завтра – точнее, сегодня – нам предстоит трудный день. Всем нам нужны силы; хотя бы для того, чтобы удержаться на ногах. Мы разошлись по комнатам. Я смотрел в темноту и не думал ни о чём. Может быть, я уже спал и не сознавал этого. В любом случае – это был кошмар. Больше всего – я боялся пустоты. Надеюсь, что существование ада подтвердится и нигилисты с атеистами ошибаются. Ведь что может быть более пугающим, чем пространство, размером со Вселенную и одну маленькую точку, в которой нет ничего – даже времени и магнитных полей?..

Моим возвращением из своего ада был скрип шагов за дверью – в коридоре. Никто другой бы не услышал – никто не придавал бы значения. Но я мог различить фальшивую ноту флейты-пикколо во время игры симфонического оркестра. Человек, обладающий моим слухом, знает, что есть несколько разновидностей скрипов пола, как бывает зола разных оттенков серого. Этот – был пеплом страха. Но и пеплом решительности.

Я взял револьвер и взвёл курок. Кто бы ни был мой незванный гость, он узнает, почему нужно стучаться, когдаходишь в чужой дом. Я шел бесшумно, под халатом из тьмы. Я продвигался медленно, осматривая каждый угол. Всё моё тело вздрогнуло, когда я услышал выстрел. Комната Артура. Я вломился туда и выстрелил в тёмную фигуру; та полетела вниз по лестнице. Я оглядел комнату: на полу рядом с кроватью лежал, нервно душа, подымая и опуская грудь, Артур с опущенным золотым револьвером. Внизу я разглядел тело министра с двумя пулями: во лбу и животе. Он уронил нож и тот смотрел на меня снизу, не прекращая угрожать.

– Министр – предатель?! – только и спросил испуганный король.

– Как это произошло? – грубым и серьёзным тоном спросил я.

– Я не знаю... Он вошел тихо, думал, что сплю. И подходил, подходил. Я не... не знал, что это министр. Я выстрелил в него. Только потом разглядел лицо... Боже.

Из гостиной донёсся скрип шагов.

– Спрячьтесь за моей спиной. Они здесь. Я не знаю, сколько их.

Я открыл огонь по тени. Ночные гости ответили тем же. Я почувствовал тепло в правом боку. Я продвигался вперёд. Пули летели отовсюду. Я оборонял буфет, который они разорвали в щепки. Я атаковал камин и стулья. Я стрелял лучше них; когда я понял, что магазин пуст – уже было тихо. Артур зажёг все свечи. Комната была залита красным. Никогда раньше я не видел столько крови. Мы сосчитали их. Без министра, гостей было семеро. Король не пострадал. А мне казалось, что в меня вонзилась булавка. Боли я не чувствовал. Боевой адреналин – ясное дело. Я почувствовал внутреннюю пустоту. Не душевную – я не романтик. Мне показалось, что я – пустой графин, в котором не осталось ни капли; и больше не наполнят – так что остаётся? – только упасть и разбиться.

Я упал. Я рассыпался на множество осколков. Может, это и есть рождение? Ведь до падения бутылки – никто не думал, что та состоит из осколков, а не из цельного стекла.

За окном восходит солнце. Я слышу, как Артур пытается построить что-то вроде баррикад. Скоро, сюда должны прийти гвардейцы. Мы пережили эту ночь. Точнее, король пережил. Что насчёт меня – то я никто. Я всегда хотел умереть в бою, защищая корону от врагов. Двое против семи – мы победили. Так чего ещё желать, если жизнь – это слишком высокий запрос для простого солдата?!

Но я всё ещё жив. Я не погиб в ту ночь. Хотя, что и говорить, смерть была бы легче той жизни, в которую меня силой заставили вернуться.

Гвардейцы прибыли вовремя. Стоило им задержаться хоть на минуту... Меня лечил, по приказу самого короля, его личный врач – почётный профессор медицинской академии. Он говорил, что я очень напугал его своим пессимизмом.

– Я реалист, – отвечал я.

– А я – врач. И могу вас заверить – жить будете. Но о службе можете забыть – ранение не позволяет. Уверен, вы сможете найти себе другую работу.

Генерал, этот старик, со смешными длинными усами и бровями, в тот же день вошел с целым полком солдат в город и прошел по его улицам парадом. Король был рядом со мной, когда вошел генерал. И прямо там, в палате, стоя перед королём и в присутствии меня и врача, он прочёл настолько же старую, насколько длинную, клятву верности короне. В тот миг – я расслабился. За спиной короля стоит сильная опора; она не позволит ему упасть. А значит – моя миссия закончена. Но что дальше?

– Сэр Найт, если бы не вы, я бы не топтал этот мрамор у себя под ногами.

– Это мой долг, Ваше Величество.

– Если не можешь не называть меня так, говори просто – ВВ. Можно даже с той же интонацией.

– Как скажите... ВВ.

– Я хочу, что бы вы работали при дворе. Можете считать себя частью моей свиты. Вы будете исполнять особые задания, которые выполнить можете только вы. В вашей верности я уже убедился.

– Спасибо, ВВ.

– Вот, ты начинаешь понимать.

– Всё, что угодно, ВВ.

– Я хотел бы, что бы ты был мне не только верным слугой, но и хорошим другом. Ты веришь в меня?

– Да.

– Тогда, дружище, выполни мою просьбу: найди подходящий дом, где можно было бы организовать роскошный банкет. И да – отправь это письмо.

Он протянул мне конверт. Свободной от трости рукой я взял его, рассмотрел королевскую печать.

– Кому?

– Роттендалю.

С секунду я стоял в недоумении.

– Ты уверен?

– С могущественными врагами выгоднее дружить, чем бороться. Я прав? Банкет в честь нашего примирения – что может быть лучше?!

– Ты играешься с огнём, ВВ, если мне позволено высказать своё мнение. Это – очень подлые люди.

– За свои слова ответишь? Впрочем, я думаю точно так же. Главное, там ничего такого не говори. И, пожалуйста,

просто выполни мою просьбу. Я точно знаю, что делаю и чего хочу.

И учтиво поклонился и вышел.

Странный приказ – пригласить врагов на праздничный ужин. Может, он действительно не хочет уничтожать самую влиятельную семью в королевстве? Это было бы жестом невероятного великодушия. Впрочем, в этой истории мне досталась самая выгодная роль – наблюдателя. Я здесь не актёр – я просто перемещаю декорации. И у меня есть возможность посмотреть – что будет дальше. Что я и собираюсь сделать.

Дом я нашел самый, что ни на есть, подходящий: два этажа, богатый квартал, лучшие повара и престижнейшие слуги. Администратор из меня не хуже, чем военный – редкое сочетание. Новости о банкете в честь примирения короны с семьей Роттендалей разошлась по всему королевству и встретила бурю положительных эмоций среди населения, хоть были и те, кто говорил, что король должен отомстить предателям. Но Артур, как я замети, пренебрегал прессой и пользовался ею брезгливо, стараясь особо не заглядывать дальше необходимого, будто пользовался общественным туалетом на выезде из города.

Кроме Роттендалей, здесь собрались сотня богатейших и влиятельнейших меценатов города и окрестностей. Бал для знати знатей. Об этом говорили все и повсюду. Одни припи-

сывали королю славные года правления – другие, были скептически – нельзя окружать себя столькими гиенами, которые, почувствовал малейшую слабость, готовы будут разорвать кого угодно на куски.

Собралось человек двести из пятнадцати великих семей королевства. Приглашены были все члены кланов: от бабушек до внуков. И всё было роскошно, как при Людовике Великолепном. Это был наш маленький Версаль. И все восхваляли монарха, желая ему светлого будущего и долгих годов правления.

Роттендали явились последними: пожилая дама в траурном наряде, две сестры-близняшки, жених одной из них и их шестилетний сынок. Над залом повисла мёртвая тишина, когда лакей у входа объявил об их приходе. «Королева Шипов» – так называли пожилую женщину, пережившую трёх королей Готтендалей.

Следом за ними, через тайный ход, в зале объявился и сам король. Он взошёл на мраморную трибуну и начал речь, подняв бокал вина:

– Дамы и Господа, – прокричал он, – сегодняшний день – войдёт в историю. Ибо сегодня – будет заложен фундамент мира во всём королевстве и между всеми сословиями. Я знаю, что между короной и знатью в нашей стране долгое время царила холодная враждебность. Но я хочу, чтобы вы знали: сегодня, ей будет положен конец. Сегодня, я сделаю так, чтобы вы больше не знали никаких ограничений. Враж-

да между нами будет забыта навсегда. И я хочу спросить всех вас: хотите ли вы никогда не знать недостатка?

Зал один голос возликовал:

– Да, Ваше Величество!

– Тогда, тост за конец вражды!

– За нашего короля!

Зал залила волна неистового веселья. Потом, я слышал разговоры на Рыночной площади, что тот вечер был настолько весел, что даже старуха Роттендаль – несколько раз улыбнулась. Знала ли она, что будет дальше? Она – умнейшая из своего рода? Она знала, что ей и её дому – пришел конец. И лучше, что бы в честь этого конца – был устроен праздник. Если она знала это – то во истину, мудрее женщин не сыскать в королевстве, ведь есть ли способ уйти из этого мира красивее?!

В разгар веселья, король покинул зал, а затем – и дом. Там, его уже дожидался я. Крики восторга доносились по всему городу. Никто внутри и не обратил внимания, что дом окружён солдатами.

– Почему бы нам просто не отравить их, ВВ? Это было бы во много раз дешевле.

– Это было бы не так красиво. Я люблю красоту. Ради неё, я готов принести в жертву свой маленький Версаль.

– Начинать?

– Пожалуй. Мне кажется, они достаточно повеселились.

Я дал команду офицеру. Двери были заперты снаружи, а

окна заложены металлом так, чтобы никто не мог выбраться оттуда. Солдаты обложили дом быстровоспламеняющимися веществами. Я взмахнул рукой и они подожгли их.

Толпа, собравшаяся вокруг дома, чтобы послушать крики счастья своих богачей, не понимала, что происходит и почему солдаты окружили этот дворец. Но через пять минут – всё было ясно. Ещё через пять – когда огонь проник через стены в дом и наполнил его дымом – всё поняли и собравшиеся внутри аристократы. Крики восторга вмиг сменились воплями ужаса и отчаянными мольбами о помощи. Но спасти их было некому. Дом горел всю ночь. По всему городу были слышны крики, не дававшие людям спать. Всю ночь, я, король и весь город слышали, как стонут враги его величества.

К утру – от них остался только пепел. Сгорел весь дом, ценной не в одно состояние, вместе с двумя сотнями находившимися в нём самыми богатыми мужчинами, женщинами, стариками и детьми королевства.

– Дешевле было бы их просто отравить, ВВ, – сказал ему я, – казна и так пуста. У нас большие долги.

– Если бы я просто отравил их, об этом узнали бы все, но никто не увидел. А то, что произошло сегодня ночью – видел весь город. Теперь, они знают, кто их новый король и что бывает с теми, кто идёт против Готтендалей. А что насчёт денег, у меня к тебе есть следующее задание, дружище – ты должен объявить, что всё имущество Роттендалей и осталь-

ных семей, присутствовавших на вчерашнем празднике – отныне принадлежит казне. Передай министру финансов, что бы тот немедленно вернул долги нашим иностранным друзьям. Если он будет медлить или возьмёт себе хоть монету свыше положенного – сообщи мне. Я придумаю, что сделать с ним и любым другим чиновником, кто посмеет красть у государства. Пример я уже привёл.

На месте сгоревшего вместе с аристократами дома – был поставлен камень, на котором было высечено:

«Так будет с каждым, кто идёт против своего короля»

О жестокости нашего нового монарха легенды ходили по всему королевству и далеко за его пределами. Если хоть половина из них была бы правдой – то он бы заслужил звание одного из самых кровожадных правителей в истории человечества. Но ради истины, я скажу: почти все эти легенды – были правдивыми. Я знаю это, потому что сам приложил руку почти к каждому из них.

Не смотря на акцию готовности проявить силу даже против сильнейших сословий общества, народ принял короля праздником и парадом. В своей жизни, я дважды видел столько счастья на лицах жителей страны: когда они шли по главной улице, приветствуя короля и когда шли по ней же, чтобы свергнуть его.

Когда мы его свергли, много людей плакало от счастья.

Они не прекращали лить слёзы и через месяц после его казни, ставшей легендой – но больше не от радости, а от скорби.

Я нисколько не боялся этого человека, хоть и жизни всех, кто был близок к нему, висели на волоске. Наоборот, с ним – я чувствовал себя как никогда защищенным. Моё мнение об этом человеке менялось быстрее, чем сменяется погода. В одно время, я искренне верил, что родина – в надёжных руках; и что за неё – волноваться нечего. На следующий же день – мои взгляды претерпевали кардинальных изменений. В одном, я не сомневался нисколько: это время, в котором нашим современникам приходилось жить, будет самым тяжёлым в истории королевства. Смешно думать, что в самые светлые часы нашей жизни, мы считали, что живём в плохое время; и ждали, пока жить станет легче. Только, когда настали «весёлые времена», мы поняли, какими тогда были все дураками.

Избавившись от богатых, ЕВ принялся за бедных. Все мы ненавидим их. Они сами себя ненавидят. Мы не понимаем, почему нам так противно смотреть на разлагающиеся, пьяные тела, лежащие на улицах. Они – понимают. Но всем нам одинаково было жаль их.

В нашей стране, воровство – было не чем-то потусторонним; оно давно вошло в образ жизни каждого из нас. Любой город в этом забытом богом уголке – становился городом воров; и все, давно уже привыкли. Что и говорить – как возможен экономический прогресс в стране дикарей?!

Всё золото Роттендалей, Артур – ЕВ – приказал разделить на две части. Одну переплавить в слитки, другую – в колокола для кафедрального собора. На следующий день, случилось то, чего ожидали все – самые маленькие колокола, которые мог поднять человек – пропали. В последующие несколько дней – пропали и все остальные. ЕВ приказал найти вора. Им оказался не смотритель церкви, как думали многие, а его друг, выпивавший с ним по ночам и имевший доступ к колокольне. На допросе он признался, что ему помогала вся его семья, по началу, радовавшаяся удачному делу, так как ЕВ запретил службу церковного сторожа. Один знакомый кузнец помогал переплавлять золото в слитки, за что получал хорошую долю. Всего, ими было украдено триста килограмма золота. Смотритель церкви за плохого друга, кузнец, друг смотрителя, а так же вся его семья: больная жена, мать-старуха, семь сыновей и две дочери – были осуждены и приговорены к казни через снятие кожи живьём. Самому вору, он приказал перед самой казнью отрезать веки, чтобы тот не мог не видеть мучительной смерти каждого члена своей семьи в отдельности. После чего, с него тоже была снята кожа. Их тела отдали на корм собакам, а кожи целый месяц висели на крючках неподалёку от собора. Все мы чувствовали себя как в средневековье.

На следующий день, колокола снова были на своём месте; и звон их был слышен по всему городу. Приезжие спрашивали местных:

– А эти купола – правда золотые?

– Да, – отвечали они.

– И что, никто не пытался воровать?

На этом, все, кого ни спроси, отворачивались и уходили прочь, низко опустив головы, чтобы из лиц нельзя было рассмотреть.

За всю историю его правления, ни одна казнь не была совершена в закрытом помещении или в присутствии одного только палача и священника. ЕВ говорил мне:

– Какой смысл в казни, если её никто не видит? Лагерь смерти – это пустая трата денег, если некому рассказать о них.

По его приказу – все тюрьмы были снесены и наше государство стало первым во всём цивилизованном мире, которое полностью отказалось от тюремного заключения. Существовало лишь одно наказание, единое для воров, убийц, насильников и предателей – казнь.

Однажды, полиция раскрыла дело похищения детей. Убийцей оказался один монах, член какого-то братства – уже никто не вспомнит какого именно. Пользуясь тем, что никто никогда не будет оплакивать сирот, он крал их, насиловал, а затем – убивал. Их, действительно, мало кто искал. Всего, как признался монах, он изнасиловал и убил больше сотни детей от пяти до одиннадцати лет. Братья были шокированы его преступлением и навеки изгнали его из своего общества. Но это их не спасло. За то, что они не могли контролировать

его действий, со всех четырѐхсот членов братства была снята кожа.

Однажды, поймали мальчишку, укравшего буханку хлеба для больной сестрѐнки и беременной матери. Я приказал снять кожу с него и со всех членов его семьи. Непростительный грех – бедность.

Однажды, фонарщик забыл вовремя потушить ночные фонари – тогда, мы ещё не успели перейти на электричество. За растрату государственных средств – с него была снята кожа.

Всѐ это происходило у горожан на глазах. Многие осудили бы меня за мои слова, но я скажу правду – ни одна история не повторилась дважды.

Я не спрашивал ЕВ, зачем он это делает. Только один раз я попросил его помиловать одного своего друга художника, нарисовавшего карикатуру на него. В это время – он как раз заливал холодной водой перемолотые в пыль сто зѐрен кофе на ночь, чтобы утром пить получившийся напиток – ни о какой термообработке и речи быть не могло. Он согласился, но сказал, что это был последний раз, когда он помиловал кого-то по моей просьбе. Я кивнул ему. А на следующий день пошел к уже приготовившемуся к смерти художнику и сказал ему, что тот – свободен. После этого, он не рисовал ничего, кроме пейзажей и натюрмортов, и на много лет пережил своего короля.

Когда сильные дожди уничтожила половину урожая, фер-

меры отказались выдать городу норму – они объясняли это тем, что им самим нужно было на что-то жить. Разумеется, в старые времена, мы бы попробовали найти компромисс. Но времена переменялись. Артур потребовал снова – ему дерзко отказали. Тогда, в одну из деревень пришли солдаты. Их избили и голышом отправили обратно. Восставшие призывали всех присоединиться к ним и свергнуть ополоумевшего короля, истребляющего собственных подданных. К ним присоединились пятнадцать деревень и три маленьких города. Тем временам, приближалась зима и запасы еды медленно начинали исчезать. На подавления восстания была задействована вся армия королевства и половина полицейского штаба городов, боявшегося сказать слово поперёк ЕВ. Был даже объявлен призыв добровольцев. Во главе одного из полков – встал я сам. После ряда тяжелых поражений, мятежники были окружены в укрепленном ещё средневековыми стенами городе. Их дни были сочтены. Город пал и все его жители были приговорены к смерти. В ходе этой короткой гражданской войны погибло двести тысяч человек, из которых только шестьдесят тысяч были взрослыми мужчинами, учувствовавшими в боях. Все восставшие деревни и города были сожжены дотла.

Этой зимой – голода в стране не было.

Однако, как убеждал сам себя я долгими ночами, каждая, длинной в вечность – это всё – лишь одна сторона медали. Я пил холодный кофе и записывал левой рукой: «Существует

два вида диктатуры; и это не авторитарная и тоталитарная – а идеологическая и гегемонистская. Говоря проще, оба диктатора множат на нуль свой народ, однако один из них делает это для оставшихся в живых, другой – для посланных на тот свет».

Есть диктаторы, которые строят себе памятники и дворцы. Есть диктаторы, которые строят города и дороги.

Все имущество убитых стало собственностью государства – точнее – ЕВ. Эти деньги сделали возможным существование информационного фонда, оплатившего все затраты на строительство железных дорог и обложение всех городов страны брусчаткой. Не было семьи, чьи дети тем или иным образом не были причастны к этому грандиозному строительству, соединившему королевство со всем остальным миром.

Прошло два года и первые поезда по новенькой дороги дважды в день отправлялись в Париж, Рим, Берлин, а через день, шел поезд в далёкий Санкт-Петербург – многие раньше даже не подозревали о его существовании.

Мы были первым государством, жители которого не закрывали на ночь двери, а держали их открытыми, чтобы приятный ночной ветерок наполнял жилища. Мы были одними из первых, кто выдвинул идею бесплатной медицины и гражданского транспорта по чисто символической цене.

Я мог уронить золотой перстень с брильянтом на Площади Рынок и поднять его через неделю на том же самом месте.

Утопия? Для нас – это давно стало реальностью. Памятник ЕВ стоял на том же самом месте, где раньше был дом, пожар в котором стал предвестником бури. Могу заметить, что давно уже, как количество приговорённых к смерти не превышает одного бедолаги в месяц.

Сложно было вообразить количество жертв кровавого режима Артура; однако невозможно было поверить в те дни, что результатом окажется самый быстрый экономический рост в истории.

Самые крупные выставки мирового искусства проходили именно в столице нашей страны. Наша богема могла сравниться с парижской; а районы близ старого вокзала – с Мон-мартром. Самым значительным достижением был ремонт канализаций и появление службы «уличный уборщиков», работа которых заключалась в мойке улиц города по ночам. Горожан мог весь день прослоняться по самым многолюдным кварталам города, в после – прийти домой и лечь спать, не снимая обуви и не запачкав при этом кровати.

Спустя некоторое время, мнения наших экспертов – считалось решающим и заведомо правильным. Нашей валютой могли расплачиваться на Новой Гвинее – её стабильность была гарантирована. В экономическом плане – лишь самые крупные страны могли состязаться с нами.

За всё это время, я почти никогда не видел Артура спящим; а находился я с ним днём и ночью, всю это время проводя в тяжёлой моральной работе, не имея права на выход-

ной. Кто занят убийством невинных – обречён заниматься этим всю жизнь. Куда бы он ни уехал, его призвание всегда будет следовать за ним. Полдня он проводил в библиотеке за чтением старинных книг. Полдня он просиживал одиночестве в своём кабинете, покидая его лишь с той целью, чтобы поручить мне отправить то или иное письмо, написанное его собственным шрифтом, в тайну которого посвящены немногие.

Много раз его пытались убить. Отравляли пищу, организовывали нападения и засады, стреляли в короля прямо на улицах – всё было напрасно. Он как-будто наперёд знал всё, что планируют его многочисленные враги. И каждый раз – выходил победителем, пока с последнего не смерившегося с жестокостью своего монархе – не была снята кожа.

Нередко, однако, он позволял себе роскошь гулять в патио, построенным специально для прогулок ЕВ. И всегда на подобный отдых от грязных дел он звал меня. Мы час другой ходили по тёмным аллеям в тени экзотических растений: рододендрона, самшита и сирени; говорили о пустяках и представляли себя простыми жителями, свободными от тех непосильных трудностей совести, с которыми нам приходилось сталкиваться ежедневно.

Многие говорят – ко всему привыкаешь. Я с точностью могу ответить – есть вещи, к которым не привыкнешь и не смиришься никогда – как никогда не будешь в силах что-либо изменить. И я не обманывал себя – я действительно

не мог ничем помочь тем беднягам, бумаги о казни которых я подписывал. Если уж мне пришлось исповедоваться, то я признаюсь: были те, которых я убил лишь из-за собственного гнева. Были те, которые мне противны. Я не раз злоупотреблял своей властью. Я жалею каждого, кто страдал из-за меня. Если бы я мог принести свою грешную душу взамен на жизни этих людей, которых я так безжалостно убил – я бы сделал это не думая. Но какому сумасшедшему дьяволу нужна такая грязная душа как у меня – за одну только сотую содеянного – заслужившую вечные муки.

Приказы о массовых казнях, особенно частые в первое время, ЕВ отдавал без удовольствия, но и не через силу. Он делал это как человек, точно уверенный в необходимости этого решения и в единой его праведности. Гуманизм – занятие для монашек, философов и экзистенциалистов. Политики – должны быть в первую очередь – искусными волками, не знающими жалости.

Однажды, я застал его за тем, что он разбросал в стороны ценные бумаги, встал из-за своего стола и подошел к широко распахнутому окну, из которого открывался живописный вид на старый город; а за ним – виднелось море.

Он был печальнее человека, утратившего смысл жизни и сломав этим свою судьбу. На нём была красная шапка палача, прилипшая к лицу. А сняв её, я обнаружил, что его лицо – мокрое от слёз. Есть участь, ещё более жестокая, чем быть

мучимым ни за что; намного страшнее быть палачом невинного и сохранить у себя в сердце искру человечности. Жизни мучеников – закончены – о них никто уже не вспомнит; разве что – их жестокую судьбу. А мучитель – продолжает жить и не в силах остановить свою мясорубку. Ведь стоит ему только сбавить темп, как его собственный хребет будет переломан этой машиной. Мой повелитель – красный человек...

Он долгое время упорно делал вид, что не замечает моего присутствия и я не собирался разубеждать его в этом. Он начал свою речь тихо и не удосужившись даже развернуться в мою сторону, будто говорил с тенью и не хотел ни на секунду расставаться со своим великолепным пейзажем ради такой мелочи:

– У меня редко бывает время, что бы убивать его подобным образом. Но сегодня – я не могу поступить по-другому, дружище. Я чувствую себя хуже проститутки, которой помогают по очереди триста мужчин без остановки. Я просто... не могу этого терпеть.

Он резко замолчал, выпрямив спину и приняв безупречную, львиную постанть царя всего, что окружает его. Левую руку он завёл за спину и сжал её в кулак. Я же просто молча смотрел на него, не осмеливаясь нарушить священное молчание. За секунду – он превратился из жестокого тирана в нечто иное. Я смотрел в спину своему двадцатилетнему королю и видел семидесятилетнего старика. Он не жалел себя

и постарел за два года как за пятьдесят; и был теперь большим, нервным человеком, от которого осталась лишь память собственного величия.

– Не трудно догадаться, – нарушил молчание ЕВ, – о чём думают они. Как они ко мне относятся. Дети мои, которым я причинил столько страданий. Они живут в страхе и дрожат от одного упоминания моего имени – так им и надо. Они забыли ту крысиную жизнь, которую вели до меня. Они должны целовать мне задницу; и день, и ночь восхвалять меня. Но нет – с каким удовольствием эта челядь содрала бы с меня шкуру. Они так и не поняли, для кого я всё это делаю.

Я позволил себе возразить:

– ВВ, ты просто поторопился с изменениями. Социальные трансформации должны происходить постепенно, путём принятия новых реформ по мере понимания их необходимости народом. Ты просто не оставил им выбора и заставил их двигаться, не дав им времени понять, для чего, собственно, это нужно. ВВ, в нашем обществе традиционные тенденции перемешались с на скорую руку сварганенными современными идеологиями, которые наше общество ещё не готово принять. Человек не может гнать со скоростью лошади, как сильно его не бей кнутом. Он никогда не сможет бежать так быстро. Но он может изменить себя. Нет – быстрее бегать он не станет. Но он может гуманным, мирным путём сам прийти к тому, что ты хотел построить здесь. Наша нация ещё не готова. Нужно немного подождать. Обождать пару поко-

лений – а там...

– Это слишком долго. Никакой страны уже не останется к тому моменту. Да, я знаю, что социологи трещат во все глотки в Париже и Берлине: «Пример, который предоставил нам ЕВ Артур Готтендаль – является доказательством того, что человек не может прыгнуть выше головы – сколько не бей его кнутом». Любая социальная трансформация должна происходить постепенно – я понимаю это сейчас очень хорошо; но и тогда – я знал об этом. И всё равно – я не могу ждать. Ведь если не остановить этих самоубийц – будет уже слишком поздно. Я заковал их в цепи страха. Но рано или поздно – он превратится в ненависть и у меня уже не хватит сил укротить обезумевшую толпу. Восстание масс неизбежно – ты сам понимаешь эту простую, как вода, истину. Я становлюсь философом. Что ты думаешь об этом, дружище?

– Если ты хочешь узнать моё истинное мнение, ВВ, то знай – мне кажется, что ты сошел с ума и каждый день – сходишь всё больше и больше.

– Спасибо за откровенность, Даниэль. Только ты – во всём королевстве можешь сказать мне правду. Потому что только с тебя – я не сниму за неё шкуру. Правда – слишком большая роскошь в наши времена.

Он развернулся и пристально посмотрел мне в глаза. Всякое желание издавать хоть малейшие звуки – хоть писк дыхания – полностью отпали под тяжестью этого взгляда.

– Людей нужно объединить. Без этого – всё, что я создал

– будет разрушено засчитанные дни; а то и часы. Не молчи – говори, дружище, говори!

– Сам знаешь – ненависть кого-либо к тебе может покрыть только ещё большая ненависть к другому. И что может ненавидеть народ больше, чем своего безумного короля?

Мой вопрос заставил его задуматься. Это состояние длилось не долго. За несколько секунд – на его лице возникла улыбка полного понимая – что делать и как.

– Ты, как всегда, абсолютно прав, дружище. Есть один способ. И я немедленно приступлю за его осуществление. Я могу положиться на тебя?

– Всегда, ВВ.

– Спасибо. Без тебя – у меня никогда не получилось бы. Только тебе я и могу доверять. Мне кажется, что все, так или иначе, замешаны в заговоре против меня. Думаю, если я не потороплюсь, то переворот не заставит себя долго ждать. А теперь, если не возражаешь, я хотел бы остаться один.

– Конечно.

Я поклонился и направился к двери. Уже перед самым выходом – я обернулся назад. Он всё так же смотрел в окно – вдаль – будто хотел утонуть в том море, которое принесло его на трон. За ним – садилось солнце. Я вышел и тихо затворил за собой дверь...

Через три дня, вся столица была как на иголках. Весть о том, что нам объявлена война, расходилось по королевству

быстрее скорости звука. В газетах писали:

«На северной границе сосредоточены целые дивизии вражеских солдата, в любой момент грозящихся перейти в наступление, накопив достаточно сил. Вся страна готовится к войне. ЕВ заявил, что все финансовые и человеческие ресурсы будут задействованы для обороны отечества от превосходящего числом врага...».

Никто не знал о причинах войны. Никто не спрашивал; никто не интересовался. Всех волновало только одно: «Как теперь жить? Как спасти своих детей и как выжить самим?». Многие пытались сбежать. И их можно понять. Сложно простить – но понять – можно. Призыв в армию был обязательным. ЕВ выделил средства, которых хватило бы, что бы построить мегаполис в горах, на наём иностранных солдат и офицеров – ветеранов многих войн и верных тому, кто платит больше.

Мне дали звание полковника, хоть я упорно возражал этому решению ЕВ. С меня было довольно всего. У меня хватало средств и возможностей, чтобы сбежать в Париж, а оттуда – хоть в Америку; и никто никогда меня не нашел бы. Единственное, что сдерживало меня – была моя любовь к родине. Я не мог её бросить, как бы инфантильно и наивно это ни звучало бы. И я, сжав зубы и собравшись с последними силами, надел на себя мундир и принял звание полковника королевских войск, не смотря на моё ранение.

Меня не покидало какое-то странное ощущение. Оно му-

чило меня уже давно. С тех пор, как ЕВ установил самую беспощадную систему за всю историю страны – боль была моим вечным спутником. Я думал, что привык к ней и научился не замечать её. Но невероятный экзистенциальный страх, который застал меня врасплох при виде своего отражения в зеркале – заставил меня отбросить все мои прежние заблуждения.

Я врал ЕВ. Я не верен отечеству – я верен родине. И я иду защищать людей от воров и убийц. Наконец-то, у меня появился возможность искупить свои преступления. Будет ли моим наказанием смерть? Если да – то милости господ, если таковой существует, нет границ.

Сейчас – моей главной миссией является забыть о ЕВ и обо всём, что красный человек сотворил со мной и страной. Я должен расширить пространство борьбы и защищать родину до последней пули – до последней капли крови; кого бы мне ни пришлось убрать на этом пути. Даже, если цель эта недостижима, я сделаю её смыслом всей моей последующей жизни, как собака преследует собственную тень – в бесконечной погоне за горизонтами.

Фронт оказался во много раз страшнее, чем мы могли себе вообразить. Половина солдат умирала не от пуль, не от штыков и не от артиллерии – она гибла из-за невозможности оказать нужную помощь потерпевшим. В забитых доверху госпиталях-палатках на тот свет уходило больше людей,

чем под артобстрелом. Казалось, что весь мир охватило какое-то безумие, от которого невозможно было убежать – и нигде было спрятаться.

Наши позиции смешивались с пылью и пеплом под огнём бесчисленной артиллерии. Окружённые, целые батальоны гибли под массивными кавалерийскими атаками. Потери были неисчислимы. Позднее, свидетели тех событий скажут, что историки специально подделали точное количество убитых и пропавших без вести; потому что цифры эти были столь устрашающими, что сама чума-скряга сказала бы: «Это уже слишком». Один поэт, переживший битву при Вердиналле, скажет, что из-за того, что основной театр боевых действий происходил в низине, в крови убитых можно было плавать как в море, с зиявшими то там, то сям – островами из гор трупов, некоторые из которых достигали десяти метров – из-за уцелевших, строивших из бывших своих товарищей баррикады, из-за отсутствия других материалов. Почти все, кому посчастливилось пережить это самое страшное событие в истории нашей страны, вернулись домой моральными калеками, так привыкнув к людскому безумию и жестокости, что не могли больше жить в другом мире, чем в том, в котором они прежние погибли; и сходили с ума.

Из городов, к нам чуть ли не каждый день приходило подкрепление. Когда мужчины кончались – к нам присылали стариков, женщин, а под конец – совсем молодых ещё детей. Силы врага, несмотря на несомненный успех первых дней, с

каждым днём иссякали. В душах их селилась паника.

Почти ни дня не проходило без боя. Артур лично командовал главными наступательными операциями. ЕВ показало себя как отменного полководца, быющего до победного конца и способного убедить отступающих вновь вернуться в битву. Но даже там, где людские ресурсы ценились на вес золота, он не переставал казнить за малейшие провинности. Крики истязуемых были слышны даже в лагерях противника. Его боялись больше самой смерти. Этот страх помог нам выиграть много важных битв, даже когда поражение нависало над нами, как грозящее вот-вот сорваться лезвие гильотины.

Если для многим война и её ужасы внушали людям лишь страх и отвращение, то ЕВ испытывал лишь всё больший азарт, как от карточной игры. Его готовность принять бой в любое время дня, в любых погодных условиях и обстоятельствах, внушало тихий ужас в сердца не только вражеский, но и собственных солдат. Один ополоумевший преторианец рассказывал, что видел собственными глазами, как ЕВ атаковал вместе со своим отрядом – отряд гренадёров, выстроившихся в «крепость». От залпов их ружей погибли лучшие гвардейцы короля. В лошадь ЕВ попал не меньше сорока пуль. Из преторианцев короля остался только он один, который всё твердил и твердил, что король, распахнув в три метра свой красный плащ, достал рапиру, и прокалывал ей вражеских стрелков, одного за другим. Те непрерывно стре-

ляли в него. Но пуль – как-будто проходили сквозь него. Так длилось до тех пор, пока король не встал на грудь ногой последнему, сто двадцатому по счёту. Целые армии шли под артиллерийский огонь в открытую атаку за него и умирали с его именем на устах.

В конечном счёте, из двухсот дивизий противника, уцелело лишь четыре; которые, несмотря на все трудности – уверенно подходили к столице. Все четверо были разбиты по двадцать пять батальонов, заходившие к нам в тыл, чтобы растянуть линию фронта по всей длине границы города.

После провалившейся операции по разгрому вражеских войск на реке Караду, армия Артура на всех фронтах отступала к столице. ЕВ отдал мне специальное поручение: удерживать пригородный городишко и не дать врагу построить крепость прямо у нас на головах.

В то время, под моим командованием находился всего один батальон. Мы укрепили городишко всем, чем только могли, ожидая самого худшего. Разведчики донесли, что к нашим позициям приближается целая армия, размерами не меньше, чем тысяча человек. Все мы тогда понимали, что если эта орда захватит наши позиции, отсюда они смогут чуть ли не каждый день по нескольку раз атаковать город и даже с теми маленькими силами, что у них остались, этого будет достаточно, чтобы город сдался. Судьба целой страны теперь зависела от нас. И почему этот подонок не оставил мне больше войск? Ведь он знал, какое войско нам придётся сдержи-

вать?! Он не мог не знать!

Я понял, что ЕВ так или иначе, но желает моей смерти. И оно знало, что бросить позиции и сбежать – я не смогу. Это положило бы конец борьбе – привело бы к одновременному поражению на всех фронтах. Нас было двести одиннадцать человек. Их же было в пять раз больше. И не простых солдат – а элитных убийц. Я пытался объяснить это своим людям, не скрывая от них ничего – человек должен знать, против кого и за что сражается. Но от одной мысли бесчисленных врагах – и я видел это – все они думали лишь об одном: о побеге.

– Я понимаю, что наши шансы малы, – сказал тогда я, – но это не обычное сражение. Если мы е остановим их – то некому будет сделать этого. В столице мы собрали лучших воинов и офицеров. Нас в десятки раз больше! Единственное, что может помешать нам выиграть войну – это изнурительная осада. Если мы не сможем отстоять город, то никакие силы уже не помогут нам. В этой ужасной войне итак погибло бесчисленное количество наших братьев и сестёр. И если мы отступим сейчас – то всё будет напрасным. Я знаю, о чём вы думаете: если армия наших союзников превосходит вражескую в десятки раз, почему такому маленькому количеству людей ЕВ поручил столь ответственную миссию? Я не знаю. Я не знаю и не хочу знать, что творится в голове у этого чудовища...

– Но ты ведь сам помогал ему! Кто исполнял все его поручения?! – услышал я безымянный крик из толпы слуша-

телей.

Я не пришел в ярость от столь вызывающих слов. Я ответил говорившему:

– Я сочувствую каждой капле крови, пролитой на землю. Но если бы судьба дала бы мне возможность вновь оказаться там, в тот момент, когда я совершал выбор – я поступил бы точно так же. Поймите – человек, который не может рассчитывать на жалость или милость. Даже простое понимание – слишком большая роскошь. Я сам знаю обо всех преступлениях против человечности, против собственного народа и разума, которые совершил. Но сейчас, я не прошу вас ни о чём, кроме как защитить свой народ. Не ради меня и не ради ЕВ. Ради всех, кого вы когда-либо знали и любили; даже если они погибли по моей вине. Я – остаюсь здесь. Я готов закрыть глаза на дезертирство любого, поскольку знаю, что не имею права ничего требовать от вас. Но пусть это останется на его совести. Я не брошу своих людей. И сейчас, я хочу узнать, кто останется со мной и будет защищать свою страну, даже если за это придётся заплатить своей жизнью.

Только патриотизм этих людей мог спасти сейчас страну. Я всегда был противником патриотизма. В мирное время – он убивает человека, не оставляя ему выбора. Сейчас – это единственный шанс страны на выживание. Сколько бы я не злился на навязчивость патриотизма, если в стране нет достаточного количества патриотов, страна обречена на гибель.

Не раз я уже заслуживал уважения и доверия своих солдат. И в этот раз – даже если он будет последним – все, как один, доверили свои жизни мне – калеке полковнику, никогда не винившему и ничего не желавшему, кроме как спасти свою страну.

Оставалось только ждать...

Всадники показались на закате завтрашнего дня. Шли они со стороны солнца, будто пришельцы с этой звезды, решившие нас завоевать. Нам предстояла долгая ночь. И ничто не поможет нашим врагам. Мои колени дрожали от страха; но глаза – упорно глядели вперёд. Я был готов встретиться лицом к лицу с этими несчастными людьми, которым выпало быть нашими врагами.

Двести одиннадцать солдат заняли свои позиции: сотня из них стояла в два ряда лицом к кавалерии противника, ведя огонь под защитой баррикад. Остальные брали врага, укрепившись в зданиях. Кавалерия приближалась, осыпая нас проклятиями, гневным свистом и выстрелами пистолетов.

Мои воины стояли хладнокровно, дожидаясь, пока враг подойдёт достаточно близко. Когда ждать более было невозможно, первая шеренга дала залп и быстро начала перезаряжать ружья; тем временем, врага взяла на себя вторая шеренга. Кони быстро лишались всадников; а всадники коней. Всех охватила общая паника. Наши противники теперь прикладывали больше сил не к атаке, а к обороне, утихомири-

вая своих лошадей и отчаянно пытаюсь перегруппироваться. Когда патроны иссякали – а их у нас было меньше необходимого – я дал команду поднять лежавшие под ногами у солдат пики и первыми бросится в атаку на всадников, отбросив их назад. Острые концы пик прокалывали лошадям шеи и сбивали с ног их всадников, бестолково пытавшихся отбиваться от них саблями и пистолетами.

Происходившее больше напоминало резню, нежели сражение. Когда с авангардом храбрецов погиб последний солдат арьергарда – его окружило четверо солдат, от которых он до последнего отмахивался пикой с четырьмя пулями в животе и множеством порезов – войска противника прошли сквозь баррикады, отбрасывая одну роту наших войск за другой. Тем временем, из окон домов беспрерывно шел огонь на поражение. Пули иссякали одна за другой. Пулемёты превратились в бесполезный хлам.

Темноту наступившей ночи разрывал огонь выстрелов. Враг захватывал дом за домом, пока мы – наступали, выбивая его из давно занятых им домов. Это была крысиная война, где сложно было различить – где свои, а где чужие. Можно было надеяться лишь на собственную удачу, которая, как назло, отворачивалась от тебя в тот момент, когда ты больше всего нуждался в ней. И упав от шальной пули, выпущенной в тебя союзником, ты мог либо подняться и умереть стоя; либо скрючиться от боли и надеяться, что скоро – тебя добьют.

Когда пошел дождь – настало время жестокой рукопаш-

ной схватки. Ничего не было видно; кругом: грязь, враги, друзья, штыки, ножи, дома, с неба льётся вода. Люди сходили с ума. Они теряли всякую надежду дожить до рассвета. Единственной их целью было теперь – убить как можно больше людей – не важно, каких – своих, или чужих.

Не битва, но мясорубка.

Я стоял, прижавшись к какой-то стене. В одной руке – я держал пистолет. К верху своей трости я приделал нож, а нижнюю часть – заострил. Я был весь мокрый и залитый грязью, смешанной с кровью. Всех, кто приближался ко мне – ждала одна и та же участь. Никто не мог пристрелить меня, потому я сливался с тенью и мраком ночи, становясь лишь призрачной фигурой, чей контур стёрт. Каждый сам за себя – это единственное правило игры на выживание. Никому нельзя было доверять здесь.

С трудом, я сохранил крупницы разума. Это помогло мне вскоре прийти в себя, но до конца дней помнить случившееся. К счастью, меня кто-то сильно ударил ружьём или камнем по голове – я никогда не узнаю, кто это был – и я упал на землю без сознания...

Проснулся я оттого, что меня клевала какая-то птица. Не самое лучшее начало дня. Я отогнал её. Та недовольно закаркала, но ничего не могла возразить – ей пришлось искать себе другую добычу, сражаясь со своими многочисленными сородичами за право на маленький кусочек.

На моей шее лежала чья-то нога. Я отодвинул её и попы-

тался встать. Когда я более-менее смог различать окружающие меня предметы, я обнаружил, что со всех сторон на меня глядят изувеченные до неузнаваемости лица мертвецов. Мне пришлось пробивать себе сквозь них путь на волю. Я никогда не забуду одного лица: возможно, когда-то красивого, но теперь – лишь куском красного, плохо пахнущего мяса на кости. Как оно смотрело на меня, сквозь пустые зрачки глаз...

Я силой сдерживал рвоту. Мне приходилось пробивать себе выход из улиц города мертвецов, сквозь горы холодных тел. Вороны терзали то, что осталось живого в них. Я отчаянно искал уцелевших и не находил ни одного. Меня охватило отчаяние. Я уже начал думать, что одному мне удалось пережить самую страшную ночь в моей жизни. Как услышал сдавленный стон, пробившийся сквозь оглушительное карканье птиц.

– Дженерель! Дженераль!

Из последних сил, с сердцем, полным надежд, я откопал молившего о помощи. Им оказался солдат врага. Я посмотрел на его мундир и определил, что это был сержант.

– Послушай, – умолял он меня, вырывая из себя слова, будто это были зубы, – в сумке у меня лежит фрагмент старой рукописи, за владение которой я убил человека в Буэнос-Айресе. Тебе покажется, что это – бессмыслица. Но поверь – тот, кто писал воспоминания о своей жизни, хранит секрет. Я никогда не смогу сложить все фрагменты рукопи-

си. Прочти тот листок, которым я владею. И сохрани его. Сохрани. Однажды, будет человек, который соберёт все части воедино...

Одно время, я был убеждён, что он умрёт раньше, чем закончит свою речь. Но, только сказав всё до конца, он позволил себе роскошь оставить этот мир, принесший ему столько боли. Я запустил руку в его сумку и достал из неё все, что было. Немного денег, старые фотографии, любовные письма, жетон с именем – Хосе-Антонио Боливар – и, наконец, небольшой листок, пожелтевший от старости, исписанный неразборчивыми значками, но, видимо, знакомого мне языка.

Я спрятал его под мундир. Взял ружье и воспользовался им как посохом. Я шел медленно, преодолевая каждый метр с нечеловеческими усилиями. Под конец, я свалился с ног, не в силах сделать даже шагу. Я бы и погиб там, если не услышал вдалеке, как скачет конница красной гвардии. Новая надежда дала мне сил подняться. Всадники заметили меня и направились ко мне...

Я лежал в госпитале, медленно приходя в себя от пережитого шока и множества ранений. Доктор говорил мне, что я – необычайный счастливец. А священник – что бог бережёт меня для чего-то. Вот бы самому понять – на кой чёрт сдавалась этому гаду столь жалкая душонка – как моя?!

ЕВ часто навещал меня. Когда я достаточно окреп, чтобы

вести беседу с ним, он заговорил:

– Ты просто отлично сделал свою работу, друг мой, – он раскуривал сигарету прямо у меня в палате, – согласен, позиции мы, всё-таки, потеряли. Но твоя верность продолжает поражать меня. К тому же, мы больше не обороняемся, а идём в контратаку. С юга приближаются войска герцога Балинддера. Когда наши ряды будут пополнены, мы вместе разобьём остатки войск противника и сполна отмстим им за все ужасные годы войны. Можешь считать, что всё это – твоя заслуга. Сам бы я давно проиграл. Только на таких людях как ты – до сих пор стоит страна, со всех сторон окруженная врагами.

Он разлили вино по двум бокалам и поднял один в мою честь. Я слегка приподнял другой за ножку и чокнулся с ним.

– Кстати, дружище, сколько их было?

– Тысяча.

– А в...

– Двести одиннадцать.

– Хороший генерал, – уважительно покачал он головой, прикрыв глаза, – и я не оговорился. Теперь, ты – генерал-майор королевских войск. Ты заслужил.

– Спасибо, ВВ.

– Не благодари. Это – меньшее, что я могу для тебя сделать. Ты – национальный герой. Люди любят тебя. Мы выигрываем войну. Ты одержал героическую победу.

– Битву выиграл не я, а солдаты.

– Я не могу их отблагодарить лично. Но их память будет увековечена. Я уже заказал лучшему скульптору германии мемориал героев отечественной войны. Скоро, мой друг Даниэль, очень скоро кончится война.

– Сколько людей...

– Лучше даже не считать. Но зато тем, кто выжил, предстоит отстраивать заживо сгоревшую страну. И я обещаю тебе, дружище – она будет прекрасной.

– А ведь когда-то было так, как не было больше никогда...

– ... когда-нибудь, настанут времена, когда будет так, как не было никогда до них.

С этих слов начиналась одна румынская сказка. Не знаю, возможно, с этих самых слов начнётся реальность – та самая, которую заслужил наш народ, не смотря на всё пережитое им горе?..

В полночь, за чашкой эфиопского кофе и при пламени свечи, я, вооружившись ящичком для читательских принадлежностей, принялся расшифровывать рукописи, найденные в сумки убитого солдата, ради которых, по его словам, он даже убил человека вечером, в Буэнос-Айресе:

«...сорок лет спустя, я всё так же находился в X – маленьком городе на безымянном острове, затерянном глубоко в бескрайнем океане. Я был заточён в панцирь собственного тела и безграничного одиночества, заглядывая в зерка-

ло своей души. Среди людей – самый одинокий, среди груды камней. Я имел возможность наблюдать всю их жизнь. Я был рядом с ними, когда они рождались. Я был рядом с ними, когда они делали свои первые шаги. Я был рядом с ними, когда они находили смысл своей жизни. Я был рядом с ними, когда зеркало перед их губами переставало потеть. Много раз я пытался завести разговор хоть с одним из них. Они редко говорили друг с другом. Но со мной – никогда. Они смотрели на меня пустыми глазами – безусловно, замечая моё присутствие. Но все они были статуями, надевавшими в подростковом возрасте каменные маски и снимающие их только перед лицом смерти. И ни разу – ни один из них – мне не ответил. Они лишь печально глядели на меня. А затем – с тем же видом – отводили глаза. Я был живым человеком – я говорил себе это каждый раз, когда просыпался. Я засыпал с этой фразой на устах: «Я всё ещё жив», но лишь для того, чтобы не сойти с ума. Но уже сорок лет – беспроглядных и мимолётных – я был уже мёртв. Я не мог покинуть X – меня бросало в ужас от одной только мысли об этом. Океан окружил меня со всех сторон. Каждый день я возвращался с очередной прогулки к себе в особняк с мыслью о том, что ещё один день прожит зря. Я не имел никакого шанса покинуть эту тюрьму. И изо всех сил – я пытался вспомнить – кем же был раньше? Чем заслужил столь жуткое наказание? Но сколько бы я не мучил себя – ответом мне служило молчание. Оно было единственным

моим спутником на всём этом прямом пути, лишенным цветом. По ночам, ко мне приходили краски. Я чувствовал запах красного — я пробовал его на вкус и мог дотронуться до него кончиками пальцев. Красный снился мне долго. Он был жесток. Под утро, я добывал красный цвет, порезав палец. Кровь была бесцветна, но смешавшись с морем — становилась красной. Я рисовал серыми и красными красками на камнях, домах, дверях, небесах. Я продолжал ждать других цветов. Я знал — не понимаю, откуда — что заполучив все цвета, я обрету долгожданную свободу и покину X. Вся земля была залита красным. Я держал голову высоко. Никто не знал об этом цвете больше меня. Что такое красный? Что такое цвет? Цвет — это то, как мы чувствуем этот мир. У меня сохранилось воспоминание, как один философ говорил мне, что существует бесконечное множество мнений об этом мире. Сейчас, я бы ответил ему, что это не так. Количество взглядов ограничено количеством цветов — но их миллионы, потому, они и кажутся необъятными. Но даже звёзд в небе — не бесконечность. Красный — это гордый взгляд на жизнь. Он — повелитель. Он — не терпит конкуренции. Он готов затмить своим величием любой другой цвет. Однажды, я нарисовал пейзаж, состоящий только из красного цвета. Он был слишком идеальным, чтобы существовать. И я уничтожил его. Возможно, проведя столько лет в одиночестве, я сошел с ума. Но всё самое лучшее, что создало человечество — было создано сумасшедшими. Даже, если

я потерял разум, я открыл свою собственную истину. И с её помощью – готов совершить самый невероятный побег в истории – побег из девятого круга ада. Я готов поделиться тайной своего волшебства... Эта история началась тогда, когда у меня – одинокого волшебника – появилась надежда на спасение. Это был обычный день. Я взбирался на скалы в беспомощных попытках убить себя, результатом которых, была лишь лёгкая головная боль. Тогда, я увидел её...»

Этими словами – заканчивался маленький листок бумаги, тесно исписанный словами. Что это значило – я так и не понял. Этот человек – или не человек – рассказывал о магии цветов, способной влиять на окружающий мир и, вроде бы, изменять его. Он был запер на каком-то острове со странным названием и все свои силы он отдал тому, чтобы сбежать оттуда – но безуспешно. Он рассказывал о красном – цветке, которым, я бы описал свою жизнь. «Пейзаж, нарисованный красным». Да, это и есть – вся моя жизнь. Кто это был? И что произошло в тот день, когда у него появилась надежда? Наверное, мне не суждено узнать этого никогда...

В тот момент, пока я усердно размышлял над странной рукописью, в третий раз перечитывая её, пытаюсь понять её сущность, ко мне в палату ворвалась какая-то странная фигура со свечей в руке. Она держала её так, что бы я не мог разглядеть лица. Я схватился за револьвер. Когда я собирался покончить с незнакомцем, я вдруг смог разглядеть неко-

торые черты лица пришельца. Им оказалась моя старая знакомая – полковник Софи.

– Даниэль?

– Софи?!

– Идём, нам необходимо поговорить.

– Я не могу идти.

– Я понесу тебя.

– Мы можем поговорить и здесь. К тому же, каким бы важным ни был этот разговор, он точно может подождать до утра.

– Нет. К утру – может быть слишком поздно. Ты – наша последняя надежда.

Я недоумевающе глядел на неё, пока она уверенно подымала меня с кровати своими сильными руками. Она уложила меня к себе на плечо и поволокла куда-то в пустоту. Мы вышли из здания госпиталя прямо в объятия холода. Моё тело сжалось. Я не падал только потому, что Софи не давала мне упасть. И я мог только смеяться над ней, что она посчитало это жалкое тело своей «последней надеждой».

Она привела меня к какому-то дому, выглядевшему, как сотни других домов, но имевшему некоторые черты собственной индивидуальности. Мы вошли в это незатейливое строение. Поначалу, я воспринимал всё – как нелепую шутку и повод поиздеваться над уставшим, больным человеком. Но мне было не до смеху, когда я увидел, что внутри.

– Сэр Найт, мы ждали вас. Спасибо, Софи.

Прямо перед входом стоял стол, за которым сидело несколько людей. Софи почтительно поклонилась говорившему офицеру и присоединилась к ним. Я остался стоять, не понимая, что происходит.

– Даже не знаю, с чего начать, сэр, – продолжал голос, – вы, наверное, несколько шокированы и возмущены, что посреди ночи вас заставили прийти сюда. Но могу вас заверить, что иначе поступить – мы просто не могли. Сейчас, самая главная наша задача – это понять друг друга.

– Вы говорите, как моя шлюха, которую я навещаю каждую неделю по воскресеньям. «Понять друг друга, понять друг друга!». Попробуйте, для начала, представится – сэр!

Он сделал вид, что не заметил моего провокационного тона и сдержанно продолжил:

– О да, извиняюсь. Я немного переволновался. Моё имя – Гаргенддер, лорд фон Гаргенддер.

– Где-то я уже точно слышал это имя.

– Ни сколько не сомневаюсь.

– А что здесь, собственно, происходит? Зачем вам я?

– Мы все очень хотели бы поговорить с вами об... Артуре.

– О ЕВ?

Желание спать и крайняя раздражительность исчезли мгновенно. Вместо них появился необъяснимый ужас. Я уставился на Гаргенддера, а тот, всё тем же тоном, продолжал говорить:

– Конечно, дело не в его антигуманных методах правле-

ния. Кто этим не баловался в своё время?! Впрочем – всё это – не моё дело. Меня больше волнует эта война, которая, к счастью, скоро закончится. Вам известно, из-за чего она началась?

– Каждая собака в столице знает – на нас напали. Мы защищаем свои земли от захватчиков-империалистов. Что ещё здесь нужно знать?!

Лорд Гаргенддер рассмеялся.

– Эту чушь вам наплёл Артур?! Или – как вы там его называете – ЕВ?! У меня есть все основания говорить, что однажды, на границах между нашими государствами, произошел вооружённый конфликт, в результате которого, несколько пограничных деревень были сожжены дотла. А из нашей столицы была похищена единственная дочь короля, которая обвенчалась с моим сыном – которого, кстати, нашли с ножом в сердце в своих собственных покоях. Мы тщательно искали виновников. И у нас есть достаточно доказательств, что всё это произошло по приказу правителя соседнего с нами государства. Артур Готтендаль – убийца, не заслуживающий пощады. Вот письмо.

Он протянул мне распечатанный конверт, в котором находился листок, исписанный подчерком ЕВ, и в котором Артур перечислял, что он сделал и что он сделает с нашим соседом. Это можно было расценивать, как объявление войны.

– Наша страна – никогда не атакует первой, – продолжал Гаргенддер, – мы – достойные люди, которые могут стерпеть

многое – но не такое.

Я смотрел на него не моргая.

– Вы... лорд фон Гаргенддер. Десница короля Терддера!

– Я же говорил, что вы уже слышали моё имя.

Моя нижняя челюсть отпала. Я пристально посмотрел на Софи.

– Что это значит?!

– Даниэль, пойми, Артур виновен во многих смертях. И не только наших сограждан, но и многих наших соседей, на жизни которых он имел права покушаться.

– На что ты намекаешь, предательница!

– Да на то, что Артур – самое страшное чудовище из всех, что я когда-либо знала. Он виновен в смерти каждого, кто погиб в этой войне. Каждого несчастного, с кого он снял шкуру живьём. Разве ты забыл, какой прекрасной была наша страна?! Посмотри на неё сейчас – она вся усеяна трупами своих детей. Я не знаю на этой земле народа, который страдал бы больше, чем наш. И всё это по вине одного человека – этого нелюдя! И скажи мне – разве я не права?! Я буду счастлива, если хоть одно моё слово окажется неправдой.

Я не знал людей, более верных королю, чем Софи. И теперь – было странно слышать от неё такое. Можно догадаться, почему ЕВ доверяет только мне, а не самому преданному из своих офицеров, который чуть ли следы его не целовал. Может, это какой-то план? Может, она просто хорошая актриса? Я до сих пор не мог поверить в реальность происхо-

дящего.

– Софи, это измена. Ты знаешь, что ждёт тебя за измену?

– То же самое, что и за кражу корки хлеба. Я готова рискнуть.

– Отлично! Вы все здесь сошли с ума. Так чего же вам от меня надо?

– Теперь, вы знаете всю правду о ЕВ.

– Да, знаю, честно говоря, я давно подозревал, что что-то здесь не чисто.

– Вы... вы должны помочь нам справиться с Артуром. Вы последний, кто ещё может это сделать.

– Да вы шутите. С чего бы мне это помогать вам?! Я вам не грязная и лживая шлюха, как леди Софи.

– Возьмём, к примеру, вашу недавнюю победу. Я был поражён, когда узнал, что тысячу моих лучших кавалеристов одолел какой-то маленький батальон. Артур приказал вам защитить город, но почему он дал вам так мало войск?

– Откуда ему было знать, что врагов окажется целое полчище?!

– И вы верите в это? Целая армия всадников так близко к столице – и само ЕВ не знает об этом?! Мы оба понимаем, что это невозможно. Ещё более невероятно, что вы пережили такое. Удивлён не один только я – но и ЕВ. Он хотел вашей смерти. Ему было плевать на вас и на своих людей – всегда. Это лживое, ничтожное создание, которое заботится лишь о собственной выгоде. Этот человек – чрезвычайно

опасен. Вы сами видели те зверства, которые он устраивал с собственным народом. Сколько ещё страданий готовы стерпеть люди?!

– Но...

– Не тысячи, не сотни тысяч, а миллионы убитых. Вскоре, их будут десятки миллионов. Пока не останется никого, кроме него. Я не понимаю, сэр Найт, как вы можете защищать этого зверя. Как можно ненавидеть эту страну больше?!

Мне нечего было ответить.

– Я пришел сюда за личной мстью Артуру. Мне не нужна ваша земля. Я уйду отсюда только с головой этого чудовища. Сразу, как только будет совершенно правосудие, мои войска отступят. Хватит смертей. Их и так было слишком много. Моё сердце болит за каждого из них. Умрёт только один человек – Артур. С ним, эта история закончится. Только вы один можете прекратить это безумие.

– Но... – мне нечего было ему сказать; я только спросил, – как?

– Вы должны открыть ворота в город. Их охраняют фанатики, которые не доверяют никому, кому не доверяет Артур. Вы – последний человек, который смог доказать свою беспрекословную верность короне. Они вас пустят. Вы откроете ворота. Кавалерия войдёт в город и свергнет короля убийц. Мне нужно знать – вы с нами?

Я долго молчал, опустив голову. И я ответил то, что хотел сказать с самого начала, когда увидел горящий, вместе с

сотнями людей внутри, дом:

– Да...

Ночь. Последняя песчинка небесных часов взлетела вверх. Я долго бродил по пустынным улочкам города и единственными моими спутниками были тени ночных часовых на стенах. Я видел ЕВ перед тем, как вавилонская башня его правления обрушилась на землю. Он был аскетом. Он превратил своё жилище в приют для наваждений; тараканов, размером с кулак; червей, поедающих книги, настолько древние, что не было уже людей, способных их прочесть. По бесчисленным коридорам замка бродили призраки коррумпированных министров, замученных до смерти. Он остался последним, кто жил в этом доме. После него – ни один правитель не решился переступить порог логова чудовища, каковым его сделали после смерти.

Когда я предал его; и полк вражеских солдат маршем прошелся по главному проспекту города, жители приветствовали их радостными криками с балконов. Полиция сдерживала ликующих женщин, намеревавшихся отдаться в объятия своих освободителей. Мужчины на скорую руку соорудили огромное чучело своего монарха и повесили его. Столько радости в голосе народа я слышал только два раза в своей жизни: когда ЕВ пришел на трон; и когда народ, вместе с армией соседнего королевства, шел его свергать.

Он стоял на балконе своей крепости и видел, как десятки

тысяч людей с криками и смехом идут к нему, чтобы кончить тиранию его правления. Когда солдаты ворвались в его покои, они увидели логово чудовища: дурно пахнущую помойку и готовые в любой момент обрушиться стены; по комнате были разбросаны осколки бутылок и их содержимое красного цвета – говорили, что это была человеческая кровь – но на самом деле, это было красное, молодое вино. Он всегда любил именно его – молодое и самое яркое. Они увидели его самого – в лучшем своём наряде, стоящем к ним спиной, заведя левую руку за спину и сжав её в кулак. В правой руке, он держал сигару и смотрел на город, залитый красками рассвета. Эта была одна из самых коротких революций в истории, когда консервативная сторона не сказала даже слова в свою защиту. Он лишь молча наблюдал, со всем своим немислимым достоинством, будто всё, что происходит, действует по его старому замыслу.

Суд был быстрый. За преступления против человечности, ЕВ Артур Готтендаль был приговорён к казни через повешение; дело не подлежало дальнейшему рассмотрению. Его бросили в камеру. Тем временем, весь мир принял участие в сооружении эшафота. Он был построен в рекордный срок – одиннадцать с половиной минут – примерно столько мучились его жертвы, прежде чем он разрешал нанести удар милосердия; в противном случае, агония могла продолжать невообразимо долго. Есть вещи, которых нет даже в аду; но которые точно есть в истории мучений нашей страны. Хоро-

ший рассказчик – никогда не говорит всей правды до конца. Кое-что – он всегда оставляет для себя. И я не рассказал вам всей правды об Артуре. Это не правда, что его ненавидели все. Были люди, которые восхищались и обожали его, прекрасно зная, что он сделал. Спустя полвека после его смерти, отечественные социологи провели опрос граждан нашей страны, задав только два вопроса: «Кто, по вашему мнению, сделал больше добра, чем все остальные, для вашей страны в историческом плане?» – 97% ответили: Артур Готтендаль. Второй вопрос: «Кто, по вашему мнению, сделал больше всего зла для вашей страны в историческом плане?» – 89% ответили: Артур Готтендаль.

За день до его казни я зашел к нему. Когда я вошел в его камеру, я увидел, что она размерами и обстановкой мало чем отличалась от его покоев в Бардовом Замке. Увидев меня, он улыбнулся:

– Здравствуйте, Даниэль, – он говорил, будто ничего не произошло и мы просто встретились, чтобы прогуляться, как обычно, вечером в патио.

– Ты знаешь, что я сделал?

– Знаю.

– Но знаешь, зачем?

– Это я тоже знаю.

– Я должен был. У меня не было другого выхода. Я верен своей стране.

– Я понимаю. На твоём месте, я бы сделал то же самое. У

меня не осталось ни единого союзника в этом мире. Какие у меня были шансы, дружище? Один союзник, один преданный человек – уже этого достаточно, чтобы удержать корону. Но когда и его нет – шансов не остаётся.

Я кивал головой каждой его фразе.

– Если бы я только мог удержать тебя – всё было бы иначе. Это напоминает мне рассказ одного русского священника: «Когда пришли за социалистами, я молчал – я не был социалистом; когда пришли за богатыми, я молчал – я не был богатым; когда пришли за евреями, я молчал – я не был евреем; а когда пришли за мной – уже некому было заступиться за меня». Вот так вот.

Он рассмеялся.

– Вот, я шучу-шучу и ставлю себя в совсем неплохое положение. И ты должен понять, что я на тебя – совсем не злюсь. Даже, если бы ты хотел этого – не дождался бы. Считай, что это – твоё мелкое наказание – безнаказанность. Ведь ты заметил, что над тобой нависло проклятие – ты не умеешь проигрывать – просто не способен на это. Мне тоже так казалось. И кажется так до сих, как бы смешно это ни звучало.

Он снова приглушенно дал волю смеху, который перешёл в болезненный кашель. Кашель сменила тишина. Здесь – она была абсолютна и невыносимо – она резало уши своим жестоким безразличием.

– Ещё, мне бы очень хотелось, что бы ты понял: всё, что я совершал, я совершал из любви к своему народу – так нужно

было поступить. Поставь себя на моё место. Ты ещё совсем ребёнок, а уже сирота. За плечами – тебя ответственность за целый народ, которой нет до тебя дела. Ты – король в стране воров, убийц и ублюдков, где каждый, кто только может, только тем и занимается, что ворует – от бедных, до богатых. Ты ни разу не видел голодающих. А о тяжелых увечьях – слышал только из книг. А потом – идёшь по улице и видишь как голые, тощие и больные дети, старики, беременные женщины – умирают прямо на холодных и гнилых улицах. И ты – ответственный за всё это. Нельзя спрятаться от этого ни за каменными стенами замков, ни за спинами солдат. Понимаешь, что это – столица твоей страны, за которую ты в ответе: перед людьми и богами. Что бы ты сделал на моём месте? Как говорить с людьми, которые не понимают языка морали? А что остаётся – закрыть глаза и просто жить себе дальше? Но я не могу позволить себе такую роскошь – всё меня трогает, всё приносит боль. Знаешь, что сказал мне настоятель моего лица, когда я отправился на родину, чтобы взять её: «Никогда не забывай – кто ты такой; и никогда не забывай – кто такие другие». И я помню это до сих пор. Я – король. В цепях, свергнутый – но король. Они – мои подданные. И я готов лично убить каждого второго, но что бы все остальные – имели лучшую жизнь. И я заплатил за это свою цену. Я продал душу по самой низкой цене. Я сражался – я проиграл. Но скажи: разве я – самый худший тиран в истории? Загляни в учебник истории. Что ты там видишь? Прогресс

построен на фундаменте из трупов. Помнишь, кем мы были? Посмотри – кем мы стали. Разве это – не тот результат, ради которого стоит убивать. Это жестоко. Но иного выхода – я не вижу. Мне больно думать о тех, кто умер по моей вине. Я успокаиваю себя мыслями, что так надо было. Но по ночам – я не сплю. Мне снятся миллионы мертвецов – они зовут меня к себе. С меня достаточно. Я сделал всё, что было в моих силах. И я оплакиваю дочь нашего соседа и сына его десницы – я знаю, что значит терять близких людей. Надеюсь, что моя смерть – хоть как-то упразднит всю мою вину перед ними. Мне очень жаль. Вона была нужна, чтобы сплотить людей – дать им понять, насколько важно держаться вместе. Это стоит очень больших жертв. Погибли сотни тысяч – я знаю. Зато, у оставшихся – была бы возможность отстроить страну заново – более лучшей, чем та была когда-то. Моя миссия окончена. Завтра – я умру. Такова моя воля. Я уже всё решил. Я не оставил приемника. Мне всё равно, что будет с моей семьей – её не будет больше. Мне всё равно, что будет с этой страной – ведь без сильной руки, вас ждёт только хаос и упадок. В конце концов, время решит всё за нас.

Я сказал ему тогда:

– ВВ, ты – ничто и идеи, и цели твои пусты, если для твоей победы – нужно пролить слезу невинной звезды.

Он повернулся ко мне и сказал:

– Я знаю.

Он сказал:

– У меня есть последняя просьба к тебе.

– Какая?

– Живи, – сказал он, – ты ещё не стар. Тебе ещё рано думать о смерти. Раньше, я думал, что смогу сделать свою страну счастливой. Я ошибался. Я думал, что смогу сделать счастливыми тех, кого знаю. Но они стали только сильнее ненавидеть меня. Теперь, я понимаю, что самое большее, что мы можем сделать – это стать счастливыми сами. У меня не получилось даже этого. Измени себя – и считай, что эту жизнь – прожил не зря...

Вечером, Его Величество вели через толпу к последнему приюту в его жизни – к эшафоту. Его забрасывали гнилыми фруктами; со всех стороны была слышна отборная брань. Он шел с высоко поднятой головой, не смотря на всю ту грязь, что летела в него. Я знал, что стоит ему лишь бросить злобный взгляд в толпу, как эти звери тот час же умолкнут, как дрессированные псы перед хозяином. Они боялись его, даже запертого в кандалы. Но Артур позволил им делать всё, что им угодно. Не смотря ни на что, сегодня – был день его триумфа.

Я мог бы вновь предать своих хозяев и устроить второй военный переворот. Я мог поднять защитников города против иностранцев и прогнать их из столицы. Я мог вновь посадить на трон Артура. Армия поддержала бы меня – а я бы поддержал короля. Но я этого не сделал. Его Величество по-

желало умереть – и я не в праве ему перечить. Он сделал всё, что должен был – всё, что было в его силах. Люди могут ненавидеть его – и будут правы – он действительно был монстром. Люди могут восхищаться им – и будут правы – он действительно был лучом света в непроглядной тьме.

Он был диктатором, который больше всего на свете любил свой народ. И всё, что он делал, чем бы это ни было, он делал из любви к нему – даже, если это было жестоко. Он посвятил свою жизнь стране и умирает сейчас за неё. Кто любит людей больше Антихриста? Кто способен их понять? Кто способен причинить им больше всего страданий?..

Он сам надел петлю себе на шею, как модный сарафан перед балом. Он окинул толпу своим львиным взглядом, заглянув в глаза каждому из них. Все замолчали, в последний раз преклонив голову перед королём. Они плевали в него. Они ненавидели его. Они восхищались им.

И вот, палач нажал на рычаг. И Его Величество, задыхаясь, в последний раз – станцевал в петле.

Это было на закате. После его смерти – тирания не прекратилась. Люди продолжали умирать. Но, не смотря на это, очень медленно, наша страна становилась на ноги.

Когда последний луч солнца – у страны не было больше королей. Все разошлись по своим домам. Наступила ночь. Никто во всём городе так и не смог уснуть, думая, что общая бессонница коснулась только его. Всю ночь – жители города смотрели в окна своих домов. Всю ночь – шел проливной

дождь, будто слёзы миллионов мучеников падали на землю.

На рассвете – он утих. Все вышли на улицы с котелками и спиртовками, чтобы сделать кофе с цикорием, кориандром и чёрным перцем прямо под лучами солнца нового мира. Настал новый день. И все верили тогда – настала новая жизнь.

И над столицей самой несчастной в мире страны засияла радуга...

Книга Оранжевого

Большой рассказ

Play music: “Fsa III” by “Wildhoney”

Оранжевый – это цвет жизни – за пять минут до её конца.

К дому, что стоял у самого берега моря, подходит молодой человек – его имя мы не узнаем никогда – в оранжевой майке и в тёмных очках. Его волосы были спрятаны под белой шляпой; на его лице застыла лёгкая, азартная улыбка. От него исходил свет и шел он, почти не касаясь ногами земли, будто был не из этого мира, а из вселенной, где мы лучше, чем те, кем являемся сейчас.

Дом напоминал Атлантиду, которая не утонула, но была оставлена людьми. Вся красота и жизнь – ушла вместе с ними. От дома осталось лишь тело, лишь память красоты. При-

шлось бы приложить немало усилий, чтобы добыть из этих руин хоть песчинку того восторга, который он приносил когда-то одним своим видом. Но никто бы и не стал делать этого, больше предпочтя думать, что дом – заброшен; и что всегда был таким.

Он постучал в полуразвалившуюся дверь и в мутном глазке показался скромный зрачок ярко-красного цвета, будто это был детёныш старого дракона. Парень в белой шляпе растянул улыбку до ушей. Этой встречи – оба ждали уже давно:

– Эй, выходи давай, чего ты ждёшь.

Дверь открылась. По ту сторону мёртвого мира, стояла фигура. Это был парень, приблизительно, того же возраста, что и его гость. Вот только: он был полно его противоположностью. Всё в нём было чёрное – не только одежда и волосы. Только кожа белая как снег, которого он никогда не видел. Он был высок и мускулист. Но никогда бы не позволил себе применить свою силу против кого-либо. Более робкого и пугливого существа, чем этот гигант, сложно было сыскать. Его пальцы были толстыми и грубыми, но ловкими и умелыми; когда у парня в белой шляпе они были как волоски, но предназначенные быть частью плотной кисти.

– Ты долго не появлялся, – сказал хозяин, слабо улыбнувшись, – как долго тебя не было? Две недели? Три?

– Почти полгода.

– Ох, тогда и я сидел здесь столько же.

– Не грусти. С тобой что-то случилось?

– Всё как всегда. Чёрт, мне казалось, что ты пропадал три недели максимум. Или это так быстро проходит время, или просто тебя так трудно забыть.

– Ты ещё не понял, зачем я пришел?!

– А что мне?

– Я здесь, чтобы вытащить тебя из этой кануры. Ты ведь уже гниёшь заживо. Посмотри на свою кожу. Лето кончается, а тебе и грим не нужен, чтобы сойти за грёбаного вампира из плохого фильма. Тебе нужен воздух, кент.

– А ты изменился...

Парень в белой шляпе схватил хозяина дома за руку и вытащил его в реальный мир. Он мог бы легко поднять наглого гостя одной рукой. Но хоть и крича ему всю дорогу, что не хочет уходить и ему нужно сделать ещё кое-какую работу по дому, он всей душой был благодарен этому духу, что вытащил его из тёмной пещеры. Внешний мир был полон чудес. Большой, бледный парень знал о них, но давно уже не видел. Одни пахли хорошо, другие, откровенно, воняли.

Дом остался далеко позади. Парень в белой шляпе снял атрибут своего местоимения и показал морю свои кудрявые, рыжие волосы. Он помахал ею кому-то вдалеке и надел обратно.

– Я не буду спрашивать, что случилось, ок? – сказал он заведя руку за плечо другу, – а ты не будешь мешать мне помочь тебе. Расслабься – будет весело.

– Такое впечатление, что ты никогда не скучаешь.

– Я скучаю, когда думаю, что где-то в мире, во имя равновесия, кто-то грустит вместо меня. Пошли, бро.

Бро и не думал возражать. Они приближались к маленькому городку на побережье. Все дома городишка были выбелены до такого состояния, что казались облаками. Они прижимались друг к другу как можно теснее, чтобы почувствовать себя единым целым. Сам город, казалось, был одним большим облаком, однажды решившим спуститься с небес и прожить оставшуюся вечность у моря.

Посреди города они наткнулись на машину, по её виду, пережившую не одну войну. На её капоте сидел афроевропейский подросток в майке, спортивных шортах и с поедаящим взглядом смотрел, как они приближаются. К правой двери прижался парень с маленькой бородкой и длинными волосами красно-фиолетового цвета, доходившими ему до половины спины. Он надменно парил абрикосовый вейп; и если бы двое появившихся перед ним были муравьями – ничего в его взгляде не изменилось бы. За рулём развалюхи сидел рыжий парень, весь покрытый веснушками. Он, блаженно прикрыв глаза, отбивал сумасшедший ритм по рулю автомобиля; если бы не наушники, он был бы похож на одержимого.

Отреагировал на прибытие парня в белой шляпе и бледного гиганта только чернокожий парень, соскочив с капота.

– Эй, Юлий, что ты здесь забыл?

Парень с бледной кожей смущённо опустил глаза.

– Йо, не приставай к нему, Джам, – пригрозил ему парень в белой шляпе, – он ведь может разозлиться.

Джам подошел к нему. Он положил массивную ладонь ему на плечо так, что тот слегка наклонился. Он явно намеревался сломать наглому коротышке лопатку. И сделал бы это, если бы Юлий не толкнул его в грудь. Джам взбесился и гневно посмотрел на него. Возможно, дело дошло бы до драки, если бы не раздался оглушительный сигнал старого автомобиля.

– Эй, Джам, пулить твою мать на льду, успокойся! Нам пора двигаться к грёбанному пляжу. Я не хочу опоздать из-за того, что вас обоих придётся вести в больницу.

Тот взял себя в руки и стряхнул со своих плеч невидимую пыль.

– Ладно, так и быть, живите сегодня. Поехали, Мишель.

– Йо, подождите, ребята! – остановил их парень в белой шляпе, протянув левую руку вперёд и сняв тёмные очки, смотря теперь на троих парней кристально-голубыми глазами, – можно нам с вами.

Джам презрительно засмеялся. Его смех был больше похож на храп. Он саркастически взглянул на них, дескать, а как сами-то думаете?! Но парень с длинными, до самого пояса, красно-фиолетовыми волосами, толкнул его в плечо.

– Да ладно, бро, чего бы им не поехать с нами?! Нас будет пятеро – а это во много раз лучше.

– Ты рофлишь?! Ты хочешь взять их?!

– Эй, если ты их так презираешь, то я не возьму их. Но

сам подумай – так будет намного лучше. Подумай над этим. Он стукнул пальцем пару раз по виску.

– Ладно, Лери, но только потому, что вижу, что ты сам этого очень хочешь. Но если нас засосёт из-за них в какое-нибудь, кхм, то я не виноват. А мы вляпаемся – я в этом почти уверен. Эти двое – они просто сумасшедшие, – он недоверчиво взглянул на парня в белой шляпе, – так и знайте – я вас предупреждал.

Все пятеро сели в машину. Лери занял место рядом с водителем. Это была его машина. Но просить, требовать и даже угрожать сидящему за рулём веснушчатому парню – было бесполезно. Говорили, что он научился ездить раньше, чем ходить. И теперь, хоть он и казался отрешённым от всего мира, он чувствовал себя его властелином. Дорога открылась ему; и он её взял. Они тронулись с места.

Джаму пришлось сидеть между Юлием и привидением в белой шляпе. Он сердился, но чувствовал себя усмирённым. Так бывало с каждым, кто недолюбливал шляпника – он их приручал. За ним ходила репутация «охотника за неприятностями». Он был здоров и молод, а уже увидел всё в этой жизни. Джам хотел бы оказаться на месте парня в белой шляпе; а тот – лишь тихо сочувствовал ему. Мало кто знает, что такое настоящая тоска.

Дорога была пустынной – ничего вокруг; только бесконечная линия местами обустроенных, местами диких пляжей, идущих один за другим. Машина проезжала мимо них, буд-

то тех и не было. Спустив ногу с тормозов, они мчались в соседний город – туда и только туда. Это был маленький, спальный прибрежный городишко, неумело перестроенный под курорт. Люди здесь готовили кофе и яичницу прямо на балконах, не прекращая обмениваться сплетнями. Старики, дымя сигаретами, смотрели свысока на пролетевшую мимо них машину – мечту своей молодости, – с сидевшими внутри молодыми копиями себя.

Туристов было ещё довольно много – хоть и в два раза меньше, чем месяц назад. Запах августа улетучивался из атмосферы. А вместе с ним – проходило и время, в которое происходит больше всего чудес, которые запоминаешь потом на всю жизнь. Хоть и это лето – как ни грустно – было самым обыкновенным. Что от него осталось? Почти ничего. Но говорят, что самое лучшее – ждёт вас на дне.

А солнце было всё ближе к краю пропасти, в которую падало каждый день, разукрашивая небо во все оттенки красного и сиреневого, будто те сбежали с лучших полотен Моне.

Они остановились у самого моря; неподалёку от стены, покрытой плотным слоем кислотных граффити, пробивавшим себе путь в реальный мир. Мишель первым выбежал из машины. На бегу он подбросил вверх к небу свою футболку и кеды, оставшись в одних купальных шортах до колен. Только войдя в тёплую воду, он сложил руки над головой, подпрыгнул и бесшумно исчез под водой. Затем – вынырнул и стал махать рукой, призывая обитателей суши к себе.

Те последовали за ним. Один за другим, они переходили из одного мира в другой, отдавая предпочтения тому, что давал им больше свободы – воде. Последним, кто ещё стоял на берегу, пиная волны, был Юлий. Он недоверчиво глядел на свои пальцы на ногах, которых медленно поглощало море. Маленький призрак с короткими рыжими волосами махал тому рукой из воды:

– Эй, давай же, чего ты ждёшь?!

Юлию думал про себя: «Я не хочу делать этого». На самом деле, не было ничего, что бы он желал сейчас больше – он сам не мог себе в этом признаться. Какой-то внутренний голос вечно держал его на привязи, не давая ему сделать ничего, даже вдохнуть чистого морского воздуха без мук ужаса. Когда Юлий отваживался сказать ему: «Нет, теперь, я буду счастливым», та часть его, что не давала быть свободным, лишь иронически смеялась. Юлий знал, что все демоны – это только он. У них были его глаза; они были его защитой. Будь он один – он никогда бы не решился на это. Но сейчас – ему – этот загорелый, рыжий ангел протягивал руку и ничего не просил взамен. Неожиданно сорвавшись с места, чтобы не успеть передумать, он окунулся с головой в море.

Все страхи исчезли. Он был дома. И ничего более не имело значения.

За несколько секунд он догнал остальных ребят, уже изрядно отдалившихся от берега. Затем, будто синий кит, вылетел из воды и нырнул между ними, разбросав по сторонам,

и бабочкой стал вырисовывать круги на воде. Он заплыл уже слишком далеко – так далеко от берега, что человек в здравом уме никогда бы не решился на это. А затем, так же быстро, он вернулся обратно.

– Я не знал, что он так хорошо плавает, – прошептал Мишелю Джам, но тихо, чтобы не слышали остальные.

Парень с рыжими волосами громко крикнул: «Вау». Даже Лери одарил Юлиана уважительным взглядом, убирая от лица мокрые локоны волос.

– А ты хорошо плаваешь, – признал он, похлопав бледного гиганта по плечу.

Затем, появились девушки. «Давно пора» – думали парни. Они ждали их прихода. Но поведение их – непредсказуемо. Юлия снова охватило чувство приближающейся беды – притаившейся и злобно нависающей, грозя сорваться с цепи. Они держались уверенно и непринуждённо, как это часто бывает с девушками, отчаянно пытающимися скрыть своё беспокойство. Их волновали парни, упорно делающие вид, что не замечают их присутствия. Они никогда не признались бы в этом – даже самим себе – но этот вечный страх перед противоположным полом выедал их изнутри. И больше всего, они хотели, что бы кто-нибудь преодолел его за них.

Даже этот маленький, рыжеволосый ангел, первый сделавший жест приветствия пришедшим девушкам, боялся того, что они могут с собой принести. Холодный страх охватывал его с головы до ног; но он продолжал улыбаться.

Они тоже вошли в воду. Робко и скромно. А вместе с тем – свободно. Они держались друг друга, ища поддержки. Но получить её они могли только от самих себя. Особенно, когда темнело и размытые силуэты мальчишек сливались с горизонтом. Стоило им только подплыть поближе, как на них обрушилась волна брызгов и боевые кличи умирающих со смеху взрослых, маленьких детей. Началось нечто безумное – настолько же беззаботное и счастливое. Так и прошли эти сумерки – в борьбе, из которой каждый вышел победителем, выходя на берег гордой поступью. Юлий всё это время чувствовал себя своим. Ему нравилось вот так вот просто быть счастливым вместе с другими. Он мог с уверенностью назвать этот момент одним из лучших в его жизни – когда они выбегали из воды, сражаясь за полотенца и ни на секунду не теряя вкуса жизни и не спуская улыбки с губ.

Парней было пятеро; а девушек трое: Джулия, Сара и Анна. Последняя казалась среди них самой молодой, но на самом деле – была самой старшей во всей компании после Лери. Для всех – она была вполонину младше своих лет. Все видели её беззаботной девочкой. Не то, что бы внешность скрывала её возраст. Но все чувствовали какое-то исходящее из неё тепло, которое может быть только у молодых и никогда у стариков – сколько бы лет им ни было. Таких и в семьдесят называют «девочками» и не без причин.

Юлий украдкой смотрел на Анну, надеясь, что та не замечает этого. Он даже не надеялся попытаться завязать с ней

диалог. Это казалось невозможным. А она, конечно же, не только замечала пристальные взгляды своего тайного почитателя, но и догадывалась о его мыслях на её счёт. Она сразу поняла, что этот белый гигант – совсем не тот, кем может показаться на первый взгляд. В глубине – она разглядела тихого малыша, прятавшегося под горой мускулов. Но она никак не намекнула ему, что уже раскусила его.

Джам вырисовывал спирали на своём скейтборде, катаясь по бетонной части пляжа, неподалёку от стены. Он делал это на спор с мулаткой Софи. И, видимо, он побеждал. Сейчас, всеобщее внимание было повернуто в сторону Джама. Когда он закончил свой коронный трюк, он взял скейт в руку и показательно поклонился публике. Та громко зааплодировала.

Первым, что сказала Анна Юлию, было:

– А ты совсем не похож на него.

Он указывала на Джама. И в самом деле, Юлию было абсолютно всё равно, сможет ли он произвести впечатление на других – он делал только то, что делал. Он всегда стоял крепко на своих позициях. И ни у кого не хватило бы сил сломить его убеждённость. Но в то же время, всю эту нерушимость можно была сбить с ног одним неуклюжим щелчком. Ему очень хотелось ответить ей – это бы сделало его счастливым. Но у него не хватило для этого духу.

Анна и Юлий, упорно не замечая присутствия друг друга, шутили и смеялись вместе с другими. А другие, хоть и назывались «друзьями», общались с ними только из-за отсут-

ствия лучших вариантов. На этом и держались все их отношения – на страхе перед одиночеством. Но как же было хорошо вместе.

Юлий и Анна делали всё возможное, чтобы не замечать друг друга. Но потом – настало время разводить костёр. Анна и Юлий сели рядом друг с другом, будто случайно. А потом, когда Мишель рассказывал страшную историю – на самом деле, бывшей совсем не страшной – Анна невзначай наклонила голову к Юлию и оперевшись ею на его крепкое плечо. Тот обнял её через, заложил ей руку за спину. Это был его героический подвиг.

Она отметила про себя, что огромные пальцы этого гиганта отнюдь не кажутся грубыми. Даже наоборот – они были мягкими и нежными; от них исходило тепло.

Всю ночь – восемь друзей рассказывали истории, пели песни и смеялись. Несколько раз заходили в море и купались под звёздами. Пили запретное, но желанное вино. Были молоды всем – телом и душой. А затем, как раз в тот момент, когда Джулия и Мишель с упоением целовали друг друга – ночь прошла – небо стало сиреневым, а затем голубым. На горизонте показалось солнце. Мишель не обращал на это внимания. Затем, когда она ему надоела, он подвинулся к парню в белой шляпе и положил ему руку на мокрое колено. Затем, они начали обнимать друг друга. Но дальше это не зашло – усталость взяла вверх над парнем в белой шляпе предложил всем отправиться в машину и свалить поскорей

отсюда. Юлий, как самый неуставший из них, повёз их к своему дому у моря, где давно уже не было гостей.

«Пора уже начать новую жизнь, — говорил он себе, — и я сделаю это».

На переднем пассажирском сидении, держа Джулию спящую Джулию на коленях, сидел сонный Мишель, положив руку на крепкое плечо Юлию.

К дому они приехали почти не осознавая этого. Усталость делает из людей большие куски желе. Шатаясь, парни и девушки зашли внутрь, где камнем падали на всё, что было мало-мальски мягким.

— Ох, не могу... как ты вообще тут живёшь, — слышался голос Сары, но Юлий ничего ей не ответил.

Парень в белой шляпе казался здесь бодрее всех, после Юлия. Он занял место на диване, после чего, направился на кухню, варить себе и всем остальным кофе. Его нашел Юлий спящим стоя, с кофейником в руках. Юлий разбудил его и разлил кофе в восемь кружек, которые вынес в гостиную.

Они сели вместе за большой стол и пили напиток, который, как они верили, поможет им восстановить силы. Но надежды не оправдали себя. Меньше всего в помощь чёрного напитка верил Лери, пивший его каждый день после одиннадцати, чтобы лучше заснуть. Зато каждый, вслух или мысленно, отметил необычный вкус кофе. Каждому из них, он показался разным — таким, каким они любили его больше всего. Возьмись они вслух описывать его при других: споров,

недоумения и обвинений во лжи и плохом вкусе было бы не избежать. Все понимали, что кофе, разлитый по чашкам из одного кофейника, должен иметь один и тот же вкус. Каждый мог только тихо радоваться удаче, что Юлиан угадал, положив в него корицу, нужное количество сахара; кокосовых стружек, цикория и молока или наоборот – сделал его растворимым без кофеина. Каждый радовался, что в этот раз – мир был на его стороне.

Только Юлий знал всю правду. Но он не торопился раскрывать своих секретов. Он давно привык к чудесам, одно за другим происходившим в этом месте. Чего стоит один только приход парня в белой шляпе – а ведь из всех возможных вариантов, он выбрал именно его – разве это уже не чудо?!

Юлий просто был рад за своих новых друзей, которые, не осознавая этого, имели возможность краем глаза почувствовать магию, с которой он привык сталкиваться каждый день. Он просто улыбался, смотря в сторону книжного шкафа со старыми картами, но не замечая его – был счастлив без видимых другим причин.

В его доме были люди, как когда-то, пока *это* не произошло. Он покинул своих сонных друзей и направился на балкон, чтобы допить там свой кофе в одиночестве, смотря на море. Он этого тихого и долгого созерцания, его глаза, от природы зелёные, становились голубыми, как небо над водой.

В это время, все остальные отдыхали – кто удобно закинув

ноги на письменный стол, кто вывалив язык на мягкий персидский ковёр на полу. Все, кроме одной – Анны. Блуждая будто в астрале, она нашла дорогу на балкон второго этажа и её фигура предстала перед поражённым Юлием. В ту же секунду, она камнем рухнула в свободное кресло рядом с ним – со свежими брызгами во все стороны и облегчённым вздохом, как от осознания реальности давней мечты.

– Почему ты босиком? – озабоченно спросил Юлий, глядя на её длинные чувствительные пальцы цвета кофе с молоком, переходящие в щиколотки, оттенка первого снега.

– Ах, да. У тебя просто так мягко, что мне показалось это хорошей идеей.

– Можешь не верить, но я только сейчас осознал, что в этом доме тепло даже зимой. Дело не в отоплении – куда там. Просто... эти стены так хорошо удерживают постоянную температуру... волшебно, просто.

Он опустил голову и спустя некоторое время, продолжил:

– Здесь очень редко бывают несчастными. Почти никогда, даже когда совсем одиноко. Потому, наверное, я не часто ухожу отсюда. Это что-то вроде наркотика, который несколько не вредит здоровью – даже наоборот – но делает тебя слишком довольным, что приводит к зависимости... Не смотря на всю мою любовь к этому месту, мне не очень нравится этот дом.

Он снова на несколько секунд сделал паузу, вглядевшись в море. Затем, добавил, не отводя от него взгляда:

– У этого дома лучший вид на побережье и море. Мне нравится просто вот так вот сидеть и смотреть на него. Такое чувство, что море может принять в себя все твои проблемы. Впитать их – и всё равно остаться чистым. Сделав, одновременно с этим, чистым и тебя. А потом, можно почувствовать себя как оно – необъятным. Здесь, даже такое – возможно.

Он давно уже не был таким говорливым. За один только этот день, слегка подзагоревший гигант сказал больше слов, чем за последние несколько недель, а то и месяцев. Анна улыбнулась ему. Наклонилась поближе, припав сонной щекой ему на плечо.

– Знаешь, твои рассказы лучше всего слушать перед сном. После них знаешь, что сегодня – тебе приснится нечто такое же волшебное.

Он поцеловал её в щеку. Она поцеловала его в губы. Это был его первый поцелуй. Он же – был самым прекрасным из всех тез сотен тысяч губ, которые ему было суждено покорить. Сегодня, он начал жить обычной жизнью молодого парня, а не чернокнижника-отшельника, знающего пять тысяч основных законов вечности, но не знающий простой человеческой любви.

Он целовал её долго. Она обнимала и любила его ещё дольше. Забыв о сонной утренней усталости, оба отдались своему маленькому безумию.

Это был миг божественного восторга своими созданиями. Для него – триумф масс; для неё – апофеоз частиц. В то утро

– он познал женщину. В то же утро – она познала самого лучшего и скромного из своих любовников. Казалось, это будет длиться вечно. Но самое лучшее – было ещё впереди...

Одна за другой, машины с туристами покидали оба города. Они уезжали счастливыми, что смогли отдалиться от своих рутинных проблем и смогли уединиться с тем духом, что сопровождает моря. Они уезжали печальными, потому что отпуск кончился, а вместе с ним и лето; и вскоре, всё снова вернётся в круги своя. Северные города переполнены людьми, страстно мечтающими о море; но счастье тихой жизни на побережье достаётся немногим. Никто из них не подозревал, что вместе с детским смехом и улыбками женщин – на машинах уезжает лето.

Мишель говорил парню в белой шляпе, кладя ему на плечо руку:

– *Frei Liebe, Grenzen nicht!*

– Я не гей, – зло отвечал тот и показательно отодвигался в сторону.

– Я – тоже. Я свободный во нравах.

Парень в белой шляпе дал тому пощёчину и сказал:

– Отвали от меня. Даже не пытайся.

И ушел прочь, оставив Мишеля одного, грустно потирая щёку и сетуя на жестокую судьбу. Он обвинял мир в том, что тот обрёк его на несчастную любовь, принесшую ему столько несчастий, но которую, несмотря ни на что, не променял бы

никогда.

Юлий парил вейп, подаренный Джамом со словами: «Мир, чувак!». Сам этот непоседа уже уехал, вместе со многими другими, забрав с собой кусочек магии этого места – теперь, она всегда будет с ним. Парень в белой шляпе сказал Юлию:

– Мишель – очень хороший парень. Но какой-то слишком одинокий. Всё это – ничем хорошим не закончится. Хорошо было бы подыскать кого-нибудь ему – лучше парня его характера.

– Надеюсь, не меня.

– Да нет, просто, хочу, что бы ты мне помог.

Юлий пожал плечами и выдохнул густое облако персикового пара. Сказал:

– Чем смогу.

И улыбнулся ему. Затем, ушел. Не далеко, конечно же. В таком маленьком городе, далеко – это уже через два квартала. Там, за углом, Лари и ещё две девушки играли в нечто, напоминающее пляжный волейбол – стихийное, анархичное, совершенно чуждое правилам – но вид у них был такой беззаботный и счастливый, насколько это вообще было возможным.

Юлий спросил:

– Эй, можно присоединиться?

Лери улыбнулся и, бросив новичку, сказал:

– Конечно.

Маленькому великану никогда раньше не играл ни во что подобное. Но с первого же раза подхватил темп. Он заставил других подстраиваться под его дыхание. И если в этой игре без победителей можно было выиграть, то победителем в ней вышел Юлий. Состязание затягивало – это могло растянуться на часы. Прошло около получаса, когда Юлия заметила Анна, остановившаяся, чтобы посмотреть на него. Он продолжал не замечать её. Она поедала его взглядом. Наконец, Юлий повернул голову. Он замахал Анне, радуясь её появлению. В тот же миг, мяч со всей силы угодил ему в голову.

– Ха-ха, – засмеялся Лери-Безрадостный, – ты бы себя видел!.. Ой, ладно, прости. Ты в порядке?

– Да, в полном, – промычал он, потирая лоб, как от сильной головной боли.

– Юлий, – снова позвал его Лери, подняв мяч и протянув руку своему сопернику, – я очень рад, что познакомился с таким как ты. Ты очень крутой парень, йо. Но мне пора идти – я должен помочь сёстрам собираться.

– Уезжаешь?!

– Да, мы все едем домой.

– Так быстро?!

– Время – вообще сложная штука, бро. Иногда, кажется, что можешь утонуть в нём, когда оно размером с песчинку; а иногда, тонны этого песка просто проходят сквозь пальцы. Трудно мне говорить об этом. Надеюсь, ты не будешь скучать тут без нас? Шучу: конечно, не будет. Я завидую тебе, бро

– тебе в жизни очень повезло. Будешь как-нибудь в городе, найдёшь меня на Facebook – покажу тебе всё там, познакомлю с интересными людьми.

– Спасибо, я подумаю.

– Давай.

Он улыбнулся Юлию; затем, развернулся и больше не общивался. Никогда больше Юлий не видел лица Лери. Для него, этот человек ушел навсегда.

«Он завидует мне?! – думал Юлий, – это я завидую ему!»

Вечером, на центральной площади города – место скопление сувенирных лавок, кафе и оставшихся туристов – Мишель установил небольшую музыкальную колонку и расстелил себе переносной танцпол. Стоило ему только включить бит и начать танцевать, как вокруг этого парня в самом заурядном спортивном костюме и женственной внешностью, собралась толпа.

Юлий и его спутник тоже были там. Они смотрели и не могли поверить в то, что видели. Были и другие: они выглядели как настоящие уличные танцоры и выходили, сменяя друг друга, показывая различные связки в стиле хип-хоп. Но им было далеко до того мастерства, что демонстрировал Мишель. Один за другим выходили танцоры, пытавшиеся проявить себя быстрее, лучше и сильнее его – но всё было безуспешным. Мишель выходил и продолжал танцевать; и никто не мог сравниться с ним.

Танец – всегда был средством к выживанию. Один кочевой народ остановился и начал выращивать пшеницу в пустыне. Мишель строит свою жизнь из пустоты. Этот народ воюет с соседями, стремящимися поработить их. Мишель борется с жестоким обращением к себе со стороны людей, непонимающих женственных мужчин. Племя должно выращивать урожай и защищать его – это вечная борьба и угроза смерти. Мишель должен сражаться с самим собой, чтобы не сойти с ума – это вечное противостояние. У племени рождается танец – их танец – с помощью которого, они могут выразить всю свою боль в те немногие свободные минуты. Танец – это всегда борьба. Племя выросло и построило богатый город, который славился лучшими танцорами в мире. Когда танцевал Мишель, все могли только думать: «Как это у него получается?» и «Я никогда не смогу так».

Когда Мишель поставил точку в своём послании миру, которое он написал телом на ветру, все присутствующие – конкуренты и зрители – на мгновение замерли; а затем взорвались аплодисментами. В тот день, даже самые скупые туристы раскошелились, хоть дело было совсем не в деньгах. Не ради них боролся парень с лицом, полностью покрытым веснушками.

Когда все разошлись и вновь взялись за брошенные на пару минут дела, Мишель подошел к Юлию и поцеловал того в щёку. Он сказал ему:

– Быть не таким как все и любить себя при этом – слишком

сложное испытание.

После этого – он ушел, не сказав больше ни слова.

– Завтра, – сказал Юлию парень в белой шляпе, – родители приедут за ним, чтобы забрать в город.

– Так скоро?

– Скоро начнётся учебный год. А ведь он – только-только поступил на первый курс колледжа... Наверное, тяжело ему там будет. Так или иначе, там – он станет совсем иным человеком. Вряд ли мы ещё когда-нибудь его увидим.

– Он кажется слишком несчастным для своего возраста.

– Эти пидоры – все либо вечные старики, либо вечные сопляки... Не бери в голову; я хочу кое с кем тебя познакомиться.

Парень в белой шляпе привёл Юлию к старой скамейке, стоящей у самого побережья. На ней сидела тёмная фигура в очках-окружностях как у Джона Леннона; незнакомец выбивал ритм ногой во вьетнамках, не замечая ничего вокруг, целиком отдавшись музыке, льющейся из наушников. Когда Юлий и парень в белой шляпе подошли поближе, фигура подняла на них глаза; парень в круглых очках вытащил наушники из ушей и улыбнулся им. Он протянул Юлию руку.

– Сергей, – представилась фигура.

Юлиан непонимающе взглянул на него.

– То есть, Серж, – уточнил парень в белой шляпе.

– А, теперь понятно. Это у «вас» очень популярное имя,

я слышал, – сказал Юлий.

– О, да. У «нас» – каждый второй – Серж.

Юлиан пожал ему руку и сказал:

– Приятно познакомиться.

– Да-да, очень. А теперь, приступим к делу.

Серж достал из своего чёрного рюкзака небольшую переносную колонку с воткнутой в неё флэшкой и включил 140-ый бит. Перекрикивая свою мини музыкальную станцию, он сказал новоприбывшим:

– Будем играть в «незнакомцев». Суть игры проста: ты должен начать разговор с незнакомцем и быстро сделать его знакомцем. Если это девушка – то у тебя могут появиться планы на ночь: если парень... не знаю, зависит от целей, но лучше, что бы это была девушка. Ну что, кто готов выйти из зоны комфорта?

Юлию не до конца было ясно, что серж хотел сказать последней своей фразой – хоть это и беспокоило его меньше всего. Ему очень не хотелось участвовать в этой странной игре. Он по прежнему боялся людей – ему приятнее было общество море, которое и не говорит и не спрашивает, а просто делает душу спокойной. Люди же были противоположностью идеала. Они вызывали у него только детский страх – быть непонятым. Но пути назад уже не было.

– Начинай первым, – сказал парень в белой шляпе.

– Окей. Смотрите, как это делается.

Он резко встал, отошел от набережной и подошел к ка-

кому-то мужчине, долго читавшему толстую книгу за столиком в кафе с видом на море. Хотя нельзя было услышать, о чём они говорят, было видно, что разговор их удался. Оба активно жестикулировали и смеялись так, что эхо их смеха доносилось даже до побережья, где сидели Юлий и парень в белой шляпе, внимательно наблюдая за происходящим. Так длилось минут десять, пока Сергей не пожал мужчине руку и не вернулся обратно.

– Вот и всё. Ничего сложного – достаточно понять, о чём любить говорить человек – а для этого, достаточно обыкновенной наблюдательности. Подойдя к Андре – его зовут Андре – я разглядел название книжки на обложке и сделал вид, что читал её и хорошо знаю автора. Задал ему несколько вопросов по ней и выслушал их. Этого уже достаточно, чтобы понравиться человеку. Так мы начали разговор. Выяснилось, что он учитель истории и очень любит рассказывать. С ним мне очень повезло. Я ничего не понял из того, что он мне сказал, зато было весело. А расстались мы с ним так же легко, как и сошлись. Всё просто. Самое прекрасное в кратковременных знакомствах – отсутствие всяких обязанностей и прочего дерьмища. Вы ничего не должны друг другу – вы просто общаетесь и получаете от этого удовольствие. Здесь, конечно, нужно иметь некоторые психологические знания; но самое главное – не бояться. Иначе, ничего не выйдет. Многие люди даже рады поговорить с весёлым незнакомцем, который кажется трезвым и сам начинает разговор. Они чув-

ствуют себя нужными. Но если боишься – ничего из этого не выйдет.

Закончив свою торжественную речь, Серж дважды хлопнул по плечу парня в белой шляпе.

– Теперь ты. Боишься?

– Та не.

– Тогда, вперёд. Чего ты ждёшь?!

Парню в белой шляпе это даётся не так просто как Сержу. Ему трудно преодолеть свою врождённую скромность. Но в конечном итоге, он разговорился с какой-то девушкой, одиноко бродившей по пляжу. Они довольно долго общались, затем, весело рассмеялись и так же легко расстались. Вернувшись обратно, он бросил гордый огненный взгляд на Юлия.

– Можете меня поздравить. У кое-кого теперь есть девушка и мы с ней договорились встретиться завтра утром. Это действительно не так уж и сложно. Серж прав – главное не бояться. А если ничего не выйдет с первого раза, – он похлопал Юлия по плечу, – всегда можно попробовать ещё раз. Ты ведь не расстраиваешься, когда приходишь в магазин за какой-то вещью и её, вдруг, там не оказывается. Ты просто идёшь к другому продавцу – вот и всё. Давай, вперёд, я верю в тебя.

Юлиан уже внутренне содрогался от страха, хоть внешне оставался крепким и нерушимым. Он подумал, что они просто так не отвяжутся и что единственным выходом из ситу-

ации будет просто сделать то, чего они хотят – это не сложно, они так говорят! Он решается подойти к незнакомцу и заговорить с ним. Это кажется ему сложнее, чем решиться прыгнуть с ненадёжным парашютом. Юлий знал, что если у него получится сделать это, то со старым им будет покончено – отныне и навсегда. Он станет новым человеком и прекратит, наконец, это бесконечное бегство от самого себя.

Юлиан бросает быстрые взгляды на прохожих. Это давалось ему с трудом, что он и не пытался скрыть. Можно лишь догадываться, какого масштаба была борьба внутри него, когда он приближался к людям. Но разговоры никак не желали налаживаться. Юлиан задавал тихим, скромным голосом какие-то вопросы, которые трудно было расслышать с первого раза: сколько времени? Как пройти? Не найдётся сигареты (хоть он и не курил, это казалось ему неплохим вариантом сближения)?

И даже это давалось ему с трудом. О том, что бы резко заговорить о мечтах или о планах на будущее – и речи быть не могло. Он перепробовал уже дюжину одноразовых собеседников двух-трёх фразочников – и продолжал думать, что у него просто недостаточно опыта. Но неудача следовала за неудачей. Вконец отчаявшись, он бросил игру. Он даже не вернулся к терпеливо ждавшим его друзьям. Он просто ушел. Убежал как дезертир с поля боя, знающего и свой позор, и свою удачу.

Юлий перешел от бега на ходьбу. Он шел босиком по пес-

ку далеко от городка и всех людей, которых он там оставил – знакомых и незнакомых. Он думал и повторял это у себя в голове: «Для кого-то, одиночество – это бегство больного; для кого-то, это – бегство от больных»...

Юлий лежал на мягкой кровати голый и счастливый. Он прикрыл глаза. Со стороны казалось, что он мечтает о дальних краях и незабываемых приключениях. На самом деле, он прокручивал у себя в голове «Введение в анатомию» трудов Леонардо да Винчи. Он смотрел на своё тело и только теперь осознавал всю его красоту. Он смотрел на тело Анны: гладкую и нужную кожу, благородные изгибы и на сводящие с ума груди. Он понимал, как ему повезло. Какие деисты дураки, если ищут бога на небесах. Человеческий бог – это людское тело. Оно священо и прекрасно. Оно хранит в себе нашу историю и наши секреты. Оно зеркало нас самих. Любовь двух тел – в мире нет ничего прекраснее. Прикоснуться к людскому телу, зная всю его силу – сравнимо с прикосновением к самим небесам.

Юлий любил её всю: пятки, щиколотки, икры, ляжки, бёдра, живот, ключицу, плечи, шею. Он делал это, как изголодавшийся наслаждается трапезой. Он слушал крики чаек и за окном небо загорелось во всех мягких киноварных тонах рассвета. Море, до которого было рукой подать, будто хотело взлететь в небо. И если не море за окном – то море в душах двух подростков, бесконечно близких; но таких далёких

друг от друга.

В этот день, Юлиану исполнялось восемнадцать лет. Это был предпоследний рассвет лета. А дальше на карте – лежала осень. И всю свою долгую, очень долгую жизнь он провёл в ожидании чего-то; неведомого, чего он никак не мог объяснить словами. Что-то, что понимал только он. Он проживал каждую свою секунду, надеясь, что это произойдёт: вот-вот. Вот сейчас... Вот сейчас... Но ничего в его жизни не происходило.

Анна прижалась щекой к его груди, теребя соски. Юлиан смотрел на её гладкую спину, выглядывавшую из-под одеяла. Он завёл руку ей за талию. Его глаза медленно перешли от неё к окну, схватив образ всей комнаты: мебель, бесполезные вещи, пыль. За окном был пляж, залитый первым светом дня, проникавшего и в его комнату. Ему хотелось навсегда сохранить у себя в памяти этот миг летнего тепла. Но он знал, что зима не заставит себя долго ждать. В его жизни наступят холода, когда уедет она; и пойдёт дождь, после которого ничто, даже лето не будет прежним. А бесконечный страх перед будущим не даст быть настоящему. Даже счастье превращается в боль, когда начинаешь понимать, что оно скоро пройдёт.

Анна заметила тоску в глазах Юлия. Она спросила:

– Разве ты не можешь перестать быть таким грустным?

Юлий засмеялся: задать такой вопрос могла только она.

– Я – грустный человек.

– Почему?

– Потому что считаю несправедливым то, что самое лучшее в этом мире – неотвратно катится в бездну.

– Например, что?

– Любовь. Сейчас, я люблю тебя больше жизни; но пройдёт время и мы не сможем выносить друг друга – мы просто привыкнем друг к другу. Знаю, звучит дико. Но я не могу перестать думать об этом. Ты знала, что в средние века сотни алхимиков пытались найти кислоту, которая сможет разесть всё. Они даже не догадывались, что разгадка этого кроссворда лежит прямо у них перед носом – время. Что время, рано или поздно, не сможет превратить в пыль, а от той не оставить и следа?

– Знаешь, я понимаю тебя. Только я почти никогда не грущу по этому поводу – только, когда мне скучно. Зато, я много чего боюсь. Мои родители часто шутят по поводу моих страхов – они думают, что это всё мелочи. Вот, чего боишься ты?

– Не знаю. Наверное, толпы. А ты?

– Темноты. Вот, многих людей привлекает космос. А я боюсь его; там – слишком темно. Как можно вынести то, что нигде – нигде нету света?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.